

Михаил Ламм

ОЛЕСЯ

Глава I

Коммуникатор на столе отца мелодично звякнул, и из него раздался голос секретарши:

— Лев Михайлович, к вам Виктор Иванович Терехов. И вам пора принять ваше лекарство.

— Спасибо, Вика. Сделай нам, пожалуйста, еще три кофе.

В кабинет тем временем вошел Виктор Иванович, для меня с детства — дядя Витя. Он работал с отцом, сколько я себя помнил. Охранником, помощником, а с недавних пор — младшим партнером. Почти член семьи. Как всегда, подтянутый, словно снял с себя военную форму не тридцать лет назад, на закате перестройки, а только вчера. Его лицо, строго говоря, нельзя было назвать волевым, но шрам, протянувшийся через щеку и рассекавший верхнюю губу, придавал ему недостающую суровость. Заработал сей боевой трофеей дядя Витя вовсе не в Афгане (там он отделался только язвой желудка), а на одной из регулярных «стрелок» в подмосковном лесу. Для тех, кто хорошо его знал, этот шрам служил надежным индикатором, сигнализирующим о настроении хозяина. Когда дядя Витя выходил из себя, шрам белел, хотя лицо его при этом оставалось спокойным и доброжелательным.

Дядя Витя, конечно, мог входить к моему отцу, президенту и владельцу крупнейшего в России издательского дома, без предупреждения, но новенькая секретарша Вика, наверное, об этом еще не знала.

— Не помешаю, Лева? Привет, студент. Или уже не студент? — дядя Витя обнял меня, после чего по-хозяйски уселся в мягкое кресло.

— «Пи-эйч-Ди», дядя Витя. Доктор философии по-нашему. Молодой и красивый. Прибыл прямо из Америки в ваше распоряжение, — я, дурачась, отдал честь и щелкнул каблуками.

— Оно и видно, что доктор философии. Только они могут руку к пустой голове прикладывать.

Тем временем Вика походкой профессиональной манекенщицы проследовала с подносом к столу, расставила чашки с кофе и удалилась, стрельнув напоследок в меня недвусмысленным взглядом. Словно из двустволки.

— Так вот, Саша, — продолжил начатый разговор отец, когда за ней закрылась дверь. — Я не говорил тебе, пока ты учился в этом своем Йеле, не хотел расстраивать. Последний год дела идут не очень хорошо. Моя болезнь, видимо, подвигла конкурентов активизироваться. Я пока не знаю кто, но кто-то из моих очень влиятельных врагов энергично вставляет нам палки в колеса. Я строил все это для тебя. Ты ведь знаешь, мне недолго осталось, — отец вскинул руку,

останавливая мои возражения. — Тут ничего не поделаешь. Хотел передать тебе компанию процветающей и мощной. Но видишь, как получается.

Он надолго замолчал. Достал из кармана таблетки, видимо, те, о которых напоминала секретарша, запил глотком уже остывшего кофе. Мне было больно видеть отца таким. С каждым своим приездом на каникулы я замечал, как он сдает. Человек, который всегда был бойцом, он и сейчас сражался, но болезнь побеждала. Сколько ему? Пятьдесят семь всего-то. Еще год назад выглядел на сорок, а сегодня — на все семьдесят.

— Папа, ты не сгущаешь краски? И в любом случае, при чем тут твоя деревня? — я все-таки не понимал, какое все это имеет отношение к моей поездке в сибирскую глушь, на которой настаивал отец. — Если нужно экономить, я легко могу отказаться от путешествия на яхте с друзьями, которое планировал, и остаться дома, в Москве.

— Нет, что ты, не так все плохо. Дело не в экономии, — отец замялся, пытаюсь подобрать правильные слова, достал ингалятор, сделал несколько глубоких вдохов, помолчал. — Прости, но твой морской поход придется отложить. Я много тебе рассказывал о том, как создавал свой бизнес в девяностые. Про криминальные войны, про то, как мы отбивались от бандитов, от силовиков — тех же бандитов, только в форме. Многие из моих друзей, тех, с кем я начинал, не дожили до этого дня. И умерли они не от гриппа, как ты понимаешь. Вот Витя может подтвердить. Это сейчас конкуренты ходят по коридорам правительства и соревнуются в размере откатов. А тогда соревновались в быстроте реакции и меткости стрельбы. Так вот, я через все это прошел без единой царапины только благодаря... — отец снова замялся, но через секунду решительно продолжил: — Только благодаря своему ангелу-хранителю. Можешь смеяться, можешь называть это простой интуицией, но всегда в самые критические моменты он подсказывал мне единственно верные решения.

— И сейчас он подсказывает тебе, что я должен ехать в Заречную? Ты хочешь меня спрятать в тайге? Все настолько серьезно?

— Да... Нет... Я не знаю. Я правда не знаю зачем. Но я привык доверять своему ангелу. Меня бы уже давно не было, если бы я его не слушал, поверь. Тебе во что бы то ни стало надо добраться до Заречной. Это очень важно... Можешь считать мою просьбу просто блажью. Пусть так. Но в нынешнем своем состоянии я имею право на блажь. — Отец снова помолчал, потом попытался улыбнуться, смягчить недвусмысленный приказ. — В любом случае, что плохого в том, чтобы провести свои последние каникулы, перед тем как запрячься в работу в нашем издательстве, на свежем воздухе и чистой природе? В конце концов, если процесс приносит удовольствие, не так уж важна цель. Виктор поможет тебе со сборами и организацией.

Виктор Иванович кивнул:

— Логистика — мой конек. Все сделаем в лучшем виде, Лева. Не беспокойся.

Эта глухая, забытая небесной и земной властью сибирская деревня, о которой говорил отец, была его родиной. Вернее, прародиной, потому что сам он никогда в ней не был, а помнил исключительно благодаря семейной легенде, согласно которой моя прабабушка покинула Заречную еще на заре электрификации и индустриализации, выйдя замуж за бравого революционного геолога. Ее жизнь в новом для нее большом мире сложилась трагически. Она пропала в 1937 году, и только в конце восьмидесятых моему отцу удалось найти ее имя в списках арестованных «врагов народа». Обвинение под грифом «секретно» выглядело нелепой шуткой следователя НКВД: «Порча урожая и организация голода в Поволжье путем умышленного причинения плохой погоды». Ни больше ни меньше. О дальнейшей судьбе Варвары Костылевой, моей прабабки, не было сведений ни в одном архиве.

В общем, немного мог сообщить мне батюшка, отправляя в поездку по «родным местам». Все, что я слышал от своего отца, больше напоминало сказки Арины Родионовны.

«Конечно, ничего плохого. Экология и свежий воздух. Да и слово отца — закон. Так всегда было в нашей семье. Однако процесс процессом, а цель хотелось бы понять», — рассуждал я, глядя в иллюминатор «Боинга», который с каждой минутой уносил меня все дальше от дома, от Стива, моего однокурсника, с которым мы последний год строили грандиозные планы. Как поплывем вокруг Европы из Архангельска, в порту которого ждала нас отцовская яхта, через Бирмингем, где к нам должны были присоединиться наши подруги, в теплые воды Средиземноморья, с финишем в Стамбуле. И что теперь? Женька, моя подруга по Йельскому университету, гостила в Бирмингеме у девушки Стива, дожидаясь нас, морских волков. Обидится ведь смертельно. Не простит. Впрочем, что-то мне подсказывало, что долго горевать в одиночестве она не будет. Не тот человек. Да и серьезных планов на будущее у нас с ней не было. А Стиву я все объясню, он поймет. Отец есть отец, дело есть дело.

А невезуха есть невезуха. Вместо синего моря подо мной о чем-то там пело зеленое море тайги. А, ладно. Покормим комаров, разберемся, что имел в виду этот самый папин ангел, обрекая меня на путешествие. Прощай, Адриатика, прощай, Женька. Извини.

Под такие рассуждения и монотонный гул двигателей я, кажется, задремал в кресле, когда меня кто-то тронул за плечо. Я открыл глаза.

Передо мной стояла потрясающей красоты стюардесса. Как я мог ее раньше не заметить? У нее были длинные черные волосы, а взгляд огромных темно-карих глаз затягивал не слабее какой-нибудь космической черной дыры.

— Здравствуй. Значит, вот ты какой, принц на белом коне, — сказала стюардесса, беззастенчиво меня разглядывая. — Ну, в общем, ничего. Но если закроешь рот, то вид будет не такой дурацкий. — Она звонко рассмеялась.

— Что, простите? — я помотал головой... и открыл глаза.

— Я спрашиваю, вы что будете? Томатный, апельсиновый, яблочный?

Ко мне склонилась обыкновенная, средних лет, крашеная блондинка в униформе «Аэрофлота». Перед ней стояла тележка с пакетами разных соков и минералкой. Я, приподнявшись в кресле, оглядел салон. Никаких красавиц-брюнеток не было и в помине, а ремень безопасности, так и застегнутый с самого взлета, грубо и бесцеремонно заставил меня плюхнуться обратно на сиденье.

— Воду. Без газа, пожалуйста.

«Странные сны снятся в самолетах. Такие реалистичные», — решил я, залпом осушив пластиковый стаканчик.

Глава II

В аэропорту Красноярска меня встретили ветер, холодный морозящий дождь и парень, гармонирующий с погодой своим хмурым лицом. Он держал самодельную табличку «Костылев Александр Львович», то есть со мной любимым. Парень оказался водителем Мишей, которого нашел и нанял для меня Виктор Иванович.

— Костылев Александр, — вежливо улыбаясь, я протянул руку.

Никак не могу привыкнуть к тому, что люди при знакомстве не улыбаются и не смотрят в глаза. Расслабился в Америке. Теперь, в родных краях, мне все время кажется, что я делаю что-то не так, вызывая недовольство окружающих. В стране, где улыбка воспринимается как насмешка, надо осторожней скалить зубы. Целее будут.

Подхватив мой рюкзак, Миша забросил его в лимузин под названием уазик, ожидавший нас на аэропортовской парковке.

— А там больше ни на чем не проехать, — перехватил он мой скептический взгляд на это зеленое чудо советского еще автопрома. — Сегодня к ночи, бог даст, должны добраться до Крестовского, там переночуем, а утром на моторке путь продолжите, так что дальше дороги нет. По реке дня за два до Заречной доберетесь. Строили, говорят, там дорогу в семидесятых, да забросили. Заросла потом вся так, что и не найти.

Очень скоро мы оставили позади последние признаки цивилизации — бледные, как разросшиеся дождливым летом поганки, блочные пятиэтажки, заводские трубы, усердно пачкавшие и без того грязно-серое небо, покосившиеся бетонные заборы. Спустя еще пару часов кончился и асфальт.

Уазик под руководством Михаила бодро подпрыгивал на неровностях грунтовок, исправно копипастя их прямо в мой позвоночник. Немного помогало повиснуть на металлической ручке над дверью, но быстро уставала рука, и приходилось вновь отдаваться на растерзание жесткому сиденью, больше напоминавшему взбесившийся отбойный молоток.

Мое настроение наконец-то пришло в гармонию с окружающим миром. То есть улыбаться мне определенно расхотелось. Мой водитель заметил произошедшую во мне перемену и решил, что теперь со мной вполне можно общаться.

— Так, по мне, и делать там нечего, я скажу, в Заречной этой. Народ там странный. Неправильный... — Михаил перекрестился. — Вот вы туда по какому делу?

И правда, по какому я туда, черт бы его побрал, делу? Процесс нравился мне все меньше, а цель так и не стала понятней.

— Родина там моя... Говорят.

Миша покосился на меня, хмыкнул и опять надолго замолчал.

Грунтовая дорога петляла по лесу, то взбиралась на крутые горки, то спускалась, заставляя узик чуть ли не вплавь преодолевать скопившиеся в низинах глубокие лужи. На одном таком мокром глиняном спуске Михаил не удержал машину, и мы затормозили о ствол дерева. Пока мой водитель матом и ударами ноги ставил бампер в первоначальное положение, я пытался размять затекшие ноги и бродил вокруг, бормоча как Винни-Пух: «Я вчера окончил Йель, чтоб сегодня въехать в ель».

Последние два часа мы ехали в полной темноте. Только слабые фары узика освещали дребезжащим лучом маленький участок пути перед капотом, иногда выхватывая из мрака седые лапы елей и яркие, то желтые, то зеленые огоньки глаз притаившегося на обочинах местного зверья. «Зайцы — светофоры», — мысли, возникающие в голове после целого дня тряски, нельзя было назвать мудрыми.

За все время пути нам не встретилась ни одна машина. Тем более странно выглядела тонкая женская фигура в светлом платье, внезапно возникшая в свете фар за очередным поворотом. Я вытаращил глаза, но успел заметить только черные волосы и лицо, показавшееся мне нереально красивым. Девушка не голосовала, а когда мы, переваливаясь с кочки на кочку, поравнялись с ней, лишь заглянула в мое окошко и улыбнулась. Михаил равнодушно проехал мимо, даже не взглянув. Оглядываться не имело смысла — сзади машины была непроглядная темень.

— Может, надо было подобрать? — я представил, что сам оказался за бортом автомобиля в этой неуютной темноте, окруженный километрами непролазной тайги, совершенно один. Воплощение кошмара жителя мегаполиса во всей красе.

— Что подобрать? — Михаил машинально притормозил, но останавливаться не стал.

— Ту девушку на дороге. Только что проехали.

Михаил посмотрел на меня подозрительно, снова перекрестился.

— Эка растрясло вас не по-детски. Привиделось вам. Какие тут девушки? Если б медведя увидел, я бы поверил, а девицу... Ну, ничего, скоро уже Крестовский, недалеко осталось. Поужинаете, отдохнете... — Он крепче ухватился за руль и решительно прибавил скорости, с опаской поглядывая в зеркало заднего вида.

Что-то меня начинали напрягать мои галлюцинации. С чего бы? Никогда не жаловался на отсутствие женского внимания и никаких мук от его временного отсутствия не испытывал. С чего бы мне бредить красивыми брюнетками? Но додумывать эту мысль сил и желания не было. Мишин узик скакал вперед, как конь, почуявший родную конюшню. Хотелось только, чтобы закончилась, наконец, эта пытка ухабами. Хотелось растянуться во весь рост на чем-нибудь горизонтальном и неподвижном, даже на полу, разогнуть сведенные судорогой пальцы руки, цеплявшиеся за эту проклятую металлическую трубу над дверью

в попытке ослабить муки многострадального зада. И когда вдоль дороги вместо стройных елок потянулись кривые деревенские заборы, я был почти счастлив.

Глава III

Поселок, в который мы приехали, был погружен в такую же тьму, как и окружающая его тайга. Только в одном месте, видимо, на центральной площади, стоял покосившийся столб с лампочкой Ильича на верхушке, которая, раскачиваясь на ветру, освещала пятачок перед сельским домом — местным, надо полагать, деловым центром. На многочисленных табличках перед входом значилось: «Почта», «Администрация», «Полиция», «Сбербанк», «Аптека», «Магазин» и почему-то «ЛДПР». В слове «полиция» буквы п и о выглядели гораздо моложе остальной «лиции». Венчал все это великолепиие портрет Ленина, с восхищением глядящего на лампочку своего имени, явно вышедший из-под кисти какого-то местного таланта. На двери висел амбарный замок, а окна украшали решетки в виде солнышка.

— Отелей в Крестовском нету, — подтвердил мои подозрения Миша. — Мы у моего родственника заночуем, у Силантыча. Вон тот дом — напротив. Сейчас портки наденет и встретит.

Миша нажал на клаксон, ему ответил дружный собачий лай, а в доме, на который он указал, засветилось окошко.

— Мишка, ты, что ли? — раздалось из-за забора.

— Я, Силантыч, с гостем. Отворяй.

Спустя минуту заскрежетали открывающиеся металлические ворота.

Силантыч оказался мужиком лет шестидесяти пяти, с маленькими, но острыми, как буравчики, глазками. Его небольшой рост подчеркивали несоразмерно длинные руки, а борода, закрывающая большую часть лица, окончательно делала похожим на примата. Жена Силантыча, сухонькая женщина без возраста, вставшая среди ночи, чтобы накрыть для нас стол, не утруждала себя изображением радости от встречи. Буркнув что-то напоминавшее «здрасте», она молча поставила на стол кастрюлю с каким-то супом и вновь, зевая, удалилась в спальню.

— От же, учишь их, учишь, — проворчал Силантыч, собственноручно доставая из буфета бутыль с мутной жидкостью и стаканы, — да никак не научишь. Деревенские, что с них взять. Я-то сам не отсюда, с райцентра. Женился на местной да и перебрался к ней. Семья ее крепко тогда на ногах стояла, хозяйство богатое, а я был так, голь перекатная. Ну, за встречу!

Я опрокинул в себя самогон, закусил его несколькими ложками горячего наваристого супа, а Михаил с Силантычем принялись обсуждать какие-то свои семейные дела. Через десять минут я уже не мог заставить себя вникать в разговор за столом, глаза слипались. Это заметил Миша.

— Силантыч, гость наш совсем притомился, кажись. Поспать ему надо.

— Так это мы запросто, — засуетился хозяин. — И постелено уже. Завтра трудный день, путь неблизкий. Я уж лодку свою подготовил. Иди, Александр, ложись, отдыхай. Вон твоя комната. А мы еще чуток с племяшом посидим.

Не зажигая свет, я со стоном удовольствия растянулся на кровати и закрыл глаза. Кровать тут же сделала попытку взбрыкнуть и превратиться в проклятый УАЗ, а рука попыталась ухватиться за несуществующую опору. Обняв на всякий случай покрепче подушку, я, наконец, провалился в сон. Проснулся я от чувства, что в комнате кто-то был.

— Тс-с, — уже знакомая черноволосая красавица приложила палец к моим губам. От руки девушки исходил запах скошенной травы, полевых цветов и солнца. На этот раз лицо ее было серьезным.

— Слушай меня внимательно. Что-то тут не так. Будь осторожен с этими людьми.

Теперь ее глаза были очень близко.

— Проснись! — девушка неожиданно отпрянула и довольно сильно ударила меня по щеке.

От неожиданности я подскочил на кровати, дико озираясь. Комната была пуста и темна, только в щели под дверью виднелась узкая полоска света из гостиной и доносились приглушенные голоса. Я тихо босиком подошел к двери и прислушался.

— Да кто ж спорит? Деньги хорошие. Только грех на душу брать... — это был голос Силантыча.

— Да, по-любому, ик, поздно дергаться. — Миша был уже изрядно пьян. — Иваныч человек серьезный, его кидать — себе дороже. И ты пойми, Силантыч, непростой это парень. Из этих он, точно тебе говорю. Видит он их, только по ходу не сообщает. Я ж тебе рассказываю: «Стой, — говорит, — давай девушку подберем». А! Я, конечно, дурачком прикинулся, но факт есть факт. И не грех то — свет от нечисти избавить. Да еще и не в накладе будем.

Силантыч снова тяжело вздохнул.

— Да я от уговора не отказываюсь, Миша. Ладно, давай спать, утро уже скоро.

Я открыл глаза и обнаружил себя лежащим в кровати. За окном уже рассвело.

Глава IV

Что это было ночью? Дурной сон, кошмар? Что значит этот странный подслушанный разговор? И был ли он на самом деле?

Я уже в десятый, наверное, раз проверил мобильный. Связи, конечно, не было.

Быстро позавтракав, мы погрузили вещи в уазик и направились к пристани. Миша после ночного питья выглядел неважно, был хмур и неразговорчив. Силантьич же, напротив, бегал бодрячком, помогая перетаскивать поклажу. «Ну вот, — думал я, глядя на длинную, но очень узкую лодку Силантьича. — Так и так суждено тебе поплавать. Ну и что, что это недоразумение с навесным мотором совсем не похоже на отцовскую яхту?»

Я наклонился и зачерпнул воду ладонью. От холода заломило пальцы. «И водичка тут не адриатическая». Стремительный поток пронесся мимо причала, закручиваясь в водовороты.

Противоположный берег широкой реки был крут и обрывист. Кое-где на круче росли редкие деревья, умудрившись зацепиться корнями за скалы. Они упрямо тянулись вверх почти параллельно каменистой стене, так, что верхушки были не дальше от ее поверхности, чем основания. «Ну, и в чем смысл? Оказаться к концу нелегкой жизни там же, откуда начинал. С людьми так же, — думал я, глядя на этих несчастных. — Не повезет родиться в правильном месте, и всю жизнь будешь так сражаться с миром только для того, чтобы просто жить. А рядом на ровной земле и богатой почве стоят самодовольные „елки“ вроде меня, стройные и красивые, и смотрят на кривых собратьев, кто с жалостью, кто с презрением. Неудачник. Лузер».

Наконец, все было упаковано, накрыто пленкой от неизбежных брызг. Силантьич со второго рывка завел мотор, Михаил помог мне забраться в лодку и остался на берегу.

— Ну, бывайте. Силантьич даст мне знать, когда вы обратно соберетесь. Я тогда за вами приеду, — проговорил Миша, глядя не на меня, а на дядьку. — Не подведи, Силантьич, понял?

Силантьич хмуро кивнул и крутанул ручку газа. Мощный японский мотор взревел, за кормой вспенились буруны, и лодка, вихляя носом из стороны в сторону, вырулила на стремнину. А я получил порцию ледяных брызг в лицо. Как потом оказалось, первую, но далеко не последнюю.

Постепенно река вошла в узкий каньон. Еще больше ускорившись, она несла нас между отвесных скал. Силантьич был молчалив и полностью сосредоточился на рулении, виртуозно огибая появляющиеся перед лодкой валуны и куски скал. Казалось, его не волнует промокшая насквозь одежда и невероятный холод, от которого у меня уже несколько часов стучали зубы. Я достал из рюкзака и надел

на себя всю одежду, которую взял с собой, проявляя при этом чудеса эквилибристики в узкой и подпрыгивающей лодке, но это мало помогло. Оставалось только сжаться в комок и терпеть.

У меня из головы не шел давешний ночной разговор и предупреждение моей странной и прекрасной галлюцинации. Что значит «из этих»? Что значит «он их видит»? Может, стоило повернуть назад? Нет, я же знаю своего отца. Для него почему-то было очень важно, чтобы я добрался до Заречной. Жизненно важно. Или смертельно важно, что одно и то же. Он нечасто меня о чем-то просил. Да практически никогда. Я не мог просто так вернуться, развести руками и сказать: «Понимаешь, папа, там было холодно, а плохие дяди говорили какие-то непонятные слова». Я даже передернулся. Уже не от холода, а представив эту сцену. С тех пор, как себя помню, самым страшным наказанием для меня были не слова осуждения (отец никогда в жизни не повышал голос), а разочарование мной в его взгляде. Поэтому я отбивал кулаки на тренировках, в то время как мои одноклассники сражались в компьютерные игры. Поэтому я сидел ночами над учебниками в Йеле, когда мои собраты по «золотой молодежи» носились по Нью-Хейвену на своих «Мазератти», шокируя местное население, и глушили шампанское в ночных клубах Бостона и Нью-Йорка. Нет, назад я не поверну.

Уже начинались сумерки, когда скалы немного расступились и впереди появился крошечный кусочек галечного пляжа. За ним виднелось узкое ущелье, уходящее вглубь горы перпендикулярно реке. Силантьич прошел еще немного ниже по течению, затем по широкой дуге развернул лодку. Мотор взревел на полных оборотах, преодолевая сопротивление несущейся навстречу воды, и мы плавно причалили к берегу. Силантьич торопливо выскочил на сушу и, пока лодку не стащило течением с камней, накинул швартовы на вкопанный в землю столб.

— Добрались, — сказал он. — Здесь переночуем. Ниже места опасные, пороги. К ночи лучше не соваться. Завтра с утраца и двинем.

Чуть дальше по ущелью я заметил деревянную сторожку, рядом с которой, перевернутая вверх дном, лежала такая же лодка, как та, на которой мы прибыли. Может, немного поменьше. Силантьич подошел к ней, внимательно осмотрел со всех сторон, вздохнул, вернулся к реке и принялся снимать двигатель.

— Барахлит чего-то, надо проверить, — ответил он на мой вопросительный взгляд. Наконец, справился с креплениями, кряхтя поднял тяжеленный двигатель и перенес на берег. Подумал немного и извлек из лодки канистру с бензином. Потом достал весла, отнес к домику и там прислонил к стенке. Вернулся к лодке, постоял.

— Там это, ключи гаечные в рундуке под сидением на корме, достань, будь добр. А то мотор разбирать надо. Я лодку придержу, чтобы не шаталась.

Я залез в лодку и стал пробираться к корме, переступая через скамейки. Резкий толчок повалил меня на дно. Оглянувшись, я только увидел, как Силантьич

с неожиданной для его щуплой фигуры силой оттолкнул лодку от берега. Ее мгновенно подхватило течением, завертело и поволокло на стремнину.

Силантьич перекрестился, отвернулся и, ссутулившись, побрел к сторожке.

Глава V

«Вечер перестает быть томным», — эта дурацкая фраза первой пришла мне в голову. Страшно болела правая рука, на которую я навернулся в лодке. Похоже, сломана. С одной левой на таком течении у меня никаких шансов не было, даже имей я весла, которые уволок подлец Силантьич. Прыгать в бурную ледяную воду этого сибирского Стикса — чистое самоубийство. Быстро темнело, я уже с трудом мог разглядеть проносящиеся назад крутые скалистые берега. Неуправляемая лодка вертелась и подпрыгивала на бурунах, часто, с характерным звуком, задевая торчащие из воды круглые камни. Силантьич, тоже мне, Харон хренов, что-то говорил про опасные пороги ниже по течению.

Внезапно я увидел какие-то отсветы на деревьях впереди по правой стороне. На такой скорости долго гадать не пришлось. Уже через несколько секунд я разглядел горящий на берегу костер и две темные фигуры, сидящие возле огня. Река не давала мне времени на раздумья. Я отчаянно закричал, пытаюсь перебить шум реки, и перевалился через борт лодки. Та, словно лошадь, потерявшая в бою седока, взбрыкнула с перепугу и резво унеслась в темноту. Холодная вода немного притупила боль в сломанной руке, и я изо всех сил устремился к правому берегу. Очень скоро я убедился в том, что силы у меня и у реки, конечно, неравные. Костер исчез за поворотом, а ноги сковала судорога. Конец моим мукам положил чудовищный удар головой обо что-то твердое. Сознание мгновенно покинуло меня, избавив от страданий.

Обратную дорогу сознание преодолевало гораздо дольше и болезненней. Первое, что я почувствовал, было страшное жжение в легких и тошнота. Меня вырвало речной водой. От этого действия в голове раздался ядерный взрыв боли, а неосторожная попытка схватиться руками за раскалывающийся череп тут же напомнила о сломанной руке. В такой ситуации организм счел самым благоразумным тихонько застонать и вновь отключиться.

Второе мое пришествие в этот мир уже не сопровождалось такими эффектами апокалипсиса, но голова все еще раскалывалась от боли.

— Попей, парень, это хорошие травки, помогут, — я почувствовал край кружки у своих губ, сделал глоток какой-то горячей горькой жидкости и открыл глаза. Вернее, один глаз, потому что второй не открывался. Видимо, заплыл после удара головой о камень в реке. Надо мной склонился мужчина лет сорока, его длинные темные волосы были перетянуты очельем. У него было простое открытое лицо, из тех, что сразу вызывают доверие и симпатию. Похожий на него, только с короткой стрижкой парнишка хлопотал неподалеку у костра.

Моя правая рука была упакована в самодельный лубок.

— А можно такой же на голову? — пробормотал я. — А то, боюсь, расколется сейчас.

— Шутишь, — улыбнулся мужчина, — значит, жить будешь. Мы совсем чуток не успели. Собрались сразу, как Олеся сказала, что беда с тобой. Спешили, как могли, но все равно опоздали. Если б ты не закричал да с лодки не выпрыгнул, не спасли бы. Там дальше страшное место, размолотило бы тебя с посудиною твоей в щепки.

— Спасибо, а вы кто? И что за Олеся? — спросил я, хотя по поводу этой самой Олеси у меня вдруг мелькнула догадка. — погоди, не отвечай. Олеся — это такая офигенно красивая барышня с длинными черными волосами и огромными глазами?

— Ну вот, видишь, ты уже в курсе, оказывается. А Олеся говорила: «Вы его не напугайте только, он не в теме пока».

— Я и правда не в теме. Но и не пугливый. Так что, будь добр, давай по порядку.

— Ну, по порядку так по порядку. Я, значит, Федор, это мой сын, Никитой звать. Из Заречной мы.

Глава VI

Родина моя малая совсем не простой оказалась. Ох какой непростой. Дорогу в Заречную тоже не просто так не смогли проложить. Не нужна она была предкам моим — ведьмам и ведьмакам, вот и не дали построить. Сил своих на это положили немало. То оползень сойдет, то трещины в земле образуются. А когда вдруг выяснилось, что геологи и картографы ошиблись направлением градусов на девяносто, строители сдались окончательно. В Союзе как было? Кончился бюджет, сели работяги в свои тракторы с грейдерами и уехали восвояси. Потом с перестройками и путчами и вовсе позабыли о деревне такой — Заречье. Зареченцам только того и надо было. Не могли они жить с людьми. Их боялись, ненавидели, преследовали. Вот и отгородились как могли от мира те, кто уцелел. Убежал сюда, скрываясь сначала от попов, позже от НКВД-КГБ разных, а с недавнего времени опять от попов и ФСБэшников, причем зачастую уже в одном лице.

От таких новостей мне следовало бы впасть в ступор, испугаться, ну, или хотя бы сильно удивиться. Ничего из положенного я вовремя не сделал, слушая увлекательный рассказ Федора, а когда собрался, оказалось, что уже не очень хочется. Вместо этого я спросил:

— Скажи, Федор, а я тоже, получается, ведьмак? Ну, раз родом отсюда?

— Это необязательно, может, и вовсе нет. У нас детишки не все со способностями рождаются. Есть и обычные люди. Хотя, если Олеся во сне до тебя достучалась, то что-то в тебе есть. Иначе бы не вышло у нее ничего. А бывает и так, что этот дар дремлет внутри, проявляясь только в самые критические моменты. В общем, у всех по-разному.

«Так вот, — подумал я, — какой у тебя, отец, оказывается „ангел — хранитель“ . Просто ведьмак ты, батя, только слабенький. Латентный, так сказать».

— Слушай, вы ведь меня из реки вытащили, так? Мокрого. На мне сто одежек было, а очнулся я сухим. Это тоже ваши штучки?

— Это чепуха. Вон — даже Никитка такое умеет. Ему и костер разжечь спички без надобности. А тебя высушить и согреть первым делом надо было, а то так и воспаление легких схватить недолго. Водичка тут злая, не Сочи. Вот с рукой и головой твоей — это к Олесе надо. Только она тебя починить может. Нам не дано.

— Подождет рука, Федор, видно, травки ваши помогли, уже не так болит. За мной должок остался, а я отдавать привык. Должен я человеку тому, кто меня в это увлекательное плаванье на тот свет отправил. Может, застанем его еще в сторожке этой, вроде я не очень далеко уплыть успел?

Федор задумался, что-то прикидывая в уме.

— Да напрямик — рядом считай. Это река петляет долго, а мы часа за два через эту горку доберемся. Только надо ли, Александр? Знаю я этого Силантыча. Дрянный человек, но в душегубстве вроде замечен не был. Может, ну его?

— Надо, Федя, надо! — я рассмеялся от случайной цитаты, но тут же скривился от приступа головной боли. — Не привык я быть должным, да и отец бы не понял. Сейчас еще чайку вашего ведьмовского выпью и двинем, ладно?

— Ну, надо так надо. Олеся сказала, ты парень толковый, знаешь, что делаешь, хоть не всегда и понимаешь. Да, так она и сказала.

Пока я пил, обжигаясь, горячий отвар, который приготовил по своему колдовскому рецепту Никита, мои спасители быстро собрали импровизированный лагерь. Все хозяйство уместилось в два средних размеров рюкзака. Туда же перекочевала большая часть постиравшейся прямо на мне одежды, потому что мой собственный рюкзак со всеми вещами теперь покоился на дне реки, где-то ниже по течению, среди знаменитых местных порогов. Так что определение «голь перекатная» подходило сейчас ко мне даже лучше, чем к Силантычу на момент его выгодной женитьбы.

Вдалеке от ледяной реки становилось жарко, будто выключили мощный кондиционер. Я, как выжившая, но не до конца уцелевшая жертва кораблекрушения, шел налегке. Сказывалась слабость от сотрясения мозга, пот заливал единственный открытый глаз, и зверски мешала рука, висящая на куске ткани. Словом, тот еще рейнджер. С моими частыми остановками на отдых, скорее напоминавший обмороки, путь занял гораздо больше обещанных двух часов, но к полудню мы все-таки вышли к сторожке. Силантыч был еще здесь.

Глава VII

Он уже успел спустить на воду вторую лодку, которую так внимательно осматривал вечером, и навесил двигатель.

— Федор, подождите с Никитой здесь, ладно? Я сам.

Федор кивнул, и они с Никитой остановились. А я двинулся дальше. До сторожки, возле которой возился с вещами Силантьич, было еще метров сто. Как ни старался я не шуметь, Силантьич меня все-таки учуял. Поднял голову, присмотрелся. По его изменившемуся от ужаса лицу я понял — узнал. Он резко вскочил и бросился к лодке, где поверх поклажи лежало его ружье. Я понял, что сваял дурака и ничего не успеваю сделать. И вот тут я сам застыл с открытым ртом. Федор, который остался за моей спиной, теперь спокойно стоял между Силантьичем и лодкой. Несмотря на его расслабленную позу и добродушное лицо, всем как-то стало очевидно — мимо Силантьичу не проскочить. Тот заметался в панике, потом развернулся и побежал ко мне.

— Не погуби, Саша, не со зла я, не погуби, — запричитал Силантьич, бухнувшись передо мной на колени и в суеверном ужасе косясь на стоящего у реки Федора.

Я опустил на землю рядом с Силантьичем. Что-то мне немного поплохело.

— Хватит, Силантьич, кончай сельский спектакль устраивать. Не люблю самодеятельность. Рассказывай.

Силантьич замолчал, тяжело перевалился с коленей на задницу.

— Говорил я Мишке — не сдюжу, не убийца я. Вот и не смог своими руками, реке доверил дело это поганое. Ей-то не привыкать. Да оно и к лучшему, что не вышло. Не хочу я крови на своих руках. Мне уж скоро перед Ним ответ держать, — Силантьич поглядел на ярко-синее небо, — и так не святой, куда мне еще этот грех.

— А Мишке зачем моя смерть понадобилась?

— Да не ему, он мелочь в этом деле. Иванычу ты дорогу перешел, вот он и заказал.

— Что еще за Иваныч?

— Терехов Виктор Иванович. Из самой Москвы. О нем Мишка спяну упомянул. От него и деньги, и заказ. А больше не знаю ничего. Наследник, мол, ты богатый, мешаешь кому-то.

Вот так. Виктор Иванович. Дядя Витя. Нянька моя любимая. Член, мать его, семьи.

Силантьич замолчал в испуге, видя мое изменившееся лицо. Неслышно подошли Федор с Никитой.

— Что, Саша, плохо дело? — Федор тоже почувствовал мое состояние.

— Хуже некуда. Мне обратно надо. Мне связь нужна. Срочно.

— Нельзя тебе в Крестовский, — Силантьич попытался подскочить, но Федор не церемонясь усадил его на место.

— Пойми, Мишка просто так не отступится.

От волнения дед даже не обратил внимания на то, что снова оказался на земле.

— Он сам у них на крючке. Знает, что без башки останется, если дело не доделает. Я уж не говорю, что и мне крышка, если ты там живой объявишься. Да и не один он там, — Силантьич сплюнул с досады. — Вот же, бес попутал на старости лет.

— Это правда. Нельзя тебе в Крестовский одному. И нам туда никак нельзя, сам понимаешь, — сказал Федор.

Да, задачка. Надо дать знать отцу, что самый его доверенный человек — предатель. С другой стороны, понятно, что, не будучи абсолютно уверенным в моей гибели, Терехов не решится на какие-то следующие шаги. Он будет ждать подтверждения. Какое-то время, значит, у меня и у отца есть.

— Федор, отойдем на минутку, поговорить надо без лишних ушей, — попросил я, — Никита, присмотришь за этим товарищем?

Никита кивнул, перебросив охотничий дробовик из-за спины на грудь. Силантьич же заметно приободрился. Раз что-то скрывают, значит, убивать не собираются. Иначе зачем секретничать?

— Как считаешь, Федор, сможет ваша Олеся моему батюшке сообщение передать? Во сне или как там она это делает. Если со мной получилось, то ведь и с ним должно. Мы же родня, да и отец не без ваших способностей, я точно знаю.

— Далековато до Москвы. Но Олеся сильная, да и отец твой наверняка о тебе думает, а значит, и о Заречной. Должно помочь. В любом случае это единственный вариант. Обратно в Крестовский тебе точно пока нельзя возвращаться. А вот Силантьича я бы туда отправил. Пусть доложится, что вроде все сделал, но чтобы у них сомнения остались. Они попытаются проверить. Разбитую лодку поискать или твой труп у порогов. Там утопленников часто на мель выносит на изгибе реки. Они это знают. Вот пусть и поищут. Надо заставить их ждать. Чем дольше, тем лучше.

Мы вернулись к притихшему Силантьичу.

— Значит, слушай меня внимательно, Вергилий недоделанный. Отправишься сейчас домой, целый и невредимый, но не потому, что я добрый. Михаилу своему и кому там еще доложишься. Перескажешь все, что было вчера. Не бойся, пожурят тебя, конечно, что не довел свое дело до конца и не проверил, может, побьют слегка, но убивать точно не станут. Ты еще им понадобишься в поисковой экспедиции. Кроме тебя реку никто так хорошо не знает. О сегодняшней нашей встрече молчи, целее будешь. Почему — объяснять не надо?

Силантьич усиленно замотал головой. До этого, пока я говорил, он так же усиленно ею кивал.

— Погоди минутку, — Федор посмотрел на лодку, — Никита, вынь, будь другом, боек из его ружья да закинь в воду. И проверь там все на предмет оружия.

Через пять минут мы уже смотрели, как Силантыч на полных оборотах удалялся по реке в сторону Крестовского.

Глава VIII

Путь до Заречной был долгий и мучительный. Рука все-таки распухла и посинела, как спелый баклажан, и никакие травки уже не помогали. Видимо, еще поднялась температура. Я механически переставлял ноги, бессмысленно глядя в спину идущего впереди Федора. Хорошо, что ловкий Никита, шедший сзади, всегда успевал вовремя подхватить мое периодически заваливающееся тело и вновь придать ему вертикальное положение. Следить за дорогой или тем более любоваться окружающей дикой природой мне было недосуг, но все время не оставляло чувство, что мы ходим кругами, постоянно поворачивая направо. Время от времени я узнавал те же скалы, мимо которых мы проходили час назад, те же деревья и повороты.

— Никита, — негромко спросил я парня, — а твой батя не заблудился, случаем?

— Не, дядь Саш, это самая прямая дорога к нам в Заречную. А вот если, как вам кажется, прямо пойти, то как раз кругами ходить и будете. Пока солзярка не кончится, — Никита весело, по-детски, рассмеялся своей шутке и с гордостью добавил: — Олеся постаралась. Нечего чужакам к нам дорогу знать, и гости нам не нужны незваные. Сильный морок, работает как надо. По вам видать. Да мы пришли уже, разве не видите?

— Чего «не видите»? — хотел было передразнить я парня, но вдруг обнаружил, что идем мы уже не по тайге, а по обычной деревенской улице, мимо аккуратных бревенчатых домиков. Мы подошли к одному из них. Федор распахнул двери.

— Ну вот, заходи, Александр. Погостишь пока у нас, — сказал он, пропуская меня вперед. — Сейчас Машу, жену мою, кликну, она постелет. Лечь тебе надо, вид совсем как у покойника. А ты, Никитка, за Олесей беги, скажи, срочно надо. Как бы гангрена не началась, — добавил Федор, глядя на мою руку.

Что было дальше, я плохо помню. Кто-то снимал с меня ботинки, укрывал одеялом, заставлял что-то пить. Я был словно в тумане, пока... Пока снова не увидел эти глаза. Огромные, прекрасные, черные глаза моей таинственной знакомой незнакомки. Если бы я не видел их раньше, я бы решил, что умер и попал в далекий черный космос, где лечу теперь радостно между звездами и галактиками, удаляясь со световой скоростью от покинутой навеки Земли. Я погружался в эти зрачки безвозвратно и с каким-то гибельным упоением.

Вдруг наваждение отступило.

— Ты мне тоже нравишься, но, пожалуй, я немного перестаралась. Хотелось произвести хорошее впечатление при первой встрече. К нам нечасто заезжают принцы.

На стуле возле моей постели сидела моя Беатриче-Олеся (ну, если уж Силантьич — Вергилий) и улыбалась. Потом, взглянув на мою синюю руку-баклажан, добавила:

— Со сломанными конечностями.

Сейчас, наяву и при дневном свете, Олеся ничем не напоминала ту роковую женщину, что являлась ко мне во снах. Нет, у нее по-прежнему были длинные черные волосы, прекрасные карие глаза, белозубая обаятельная улыбка. Но это была уже не взрослая опытная женщина-вамп. Передо мной сидела практически девчонка, пытающаяся за шутками и напусковой бравадой скрыть смущение.

— И вовсе я не девчонка. Мне уже девятнадцать, — возмутилась, словно прочитав мои мысли, Олеся. А может, и правда прочитала, кто их, ведьмочек, знает. — Ну прочитала немного, да, извини. Обычно я этого не делаю. Люди не любят. Значит, вот какой я к тебе во сне являлась? Роковая женщина-вамп? Прикольно. Хотя объяснимо. Я же во сне являюсь, в смысле, я тоже тогда сплю, только сон свой контролирую. Но не до конца. Подсознание тоже рулит иногда. Видимо, это оно хотело меня «улучшить», как оно это понимает. А тебе какая больше нравится? — снова не удержалась от подначки девушка.

От неожиданного вопроса я смутился и, кажется, даже покраснел, чего со мной не случалось с далеких школьных времен и первых влюбленностей.

— Ладно, шутки в сторону. Лечить тебя будем, — посерьезнев, прервала мои мучительные поиски достойного ответа Олеся.

— Федор, тебе лучше выйти, — она обернулась к стоявшему все это время у входа хозяину дома. Тот молча прикрыл за собой дверь.

Олеся подвинулась ближе и положила ладони на мою руку.

— Не бойся, тебе-то больно не будет. Расслабься. И лучше на меня не смотри. Я некрасивая буду. Временно.

— Готов? — Олеся прикрыла глаза. Я почувствовал, как от ее ладоней повеяло холодом, будто мою руку опустили в жидкий азот. Это длилось несколько секунд, потом холод сменился жаром.

— Я беру твою боль, — прошептала девушка еле слышно.

Внезапно лицо Олеси исказилось, на лбу выступили капли пота. Я взглянул на ее руки. Правая стремительно покраснела, потом на ней проступила синева. Еще спустя несколько секунд синева исчезла, и рука снова стала розовой. Но на Олесю страшно было смотреть. Черты лица ее заострились, под глазами появились черные круги. Внезапно она пошатнулась, лицо побелело. Потом силы окончательно ее покинули, и она со стоном завалилась вперед, уткнувшись лбом в мою грудь.

Я лежал, словно пьяный. То ли от того, что терзавшая меня последние сутки боль бесследно ушла, то ли от дурманящего запаха волос моей спасительницы. Я с удивлением обнаружил, что левой рукой обнимаю девушку за плечи, а правой,

совершенно и удивительно здоровой, глажу ее по голове, приговаривая какую-то ласковую чушь.

В таком положении и застал нас Федор, не выдержав ожидания под дверью. Олеся вновь слабо застонала, попыталась приподнять голову и открыла глаза, которые оказались прямо напротив моих. Кровь потихоньку возвращалась к ее лицу, чернота под глазами исчезла.

— Я же просила не смотреть, — произнесла она с укором, откидываясь на спинку стула и убирая назад упавшие на лицо волосы. — А ты думал, мы тут волшебными палочками колдуем? Нет, пока всю чужую боль через себя не пропустишь, ничего не вылечишь, даже насморк. Поэтому немного желающих целителями становиться. Отвернись же, сказала!

— Такая, — произнес я.

— Что «такая»?

— Такая больше нравишься. На фиг мне не нужна роковая женщина-вамп.

— Дурак.

Мы оба обернулись на Федора, который так и стоял в дверях. Я со всей очевидностью осознал, что волновался он не за меня, кто я ему, а за Олесю. И внезапно с такой же очевидностью понял — именно за это я ему и благодарен.

— Там это, — смущаясь произнес Федор, — Мария на стол накрыла, зовет. Пора бы подкрепиться вроде.

— Это здорово! Я после таких процедур ужас какая голодная. А голодная ведьма — это опасная штука. Ей что цыпленка, что принца слопать — без разницы, — Олеся сделала смешные страшные глаза. — Пойдем, пока до криминала не дошло.

Глава IX

Ночь я проспал как младенец. Не понимаю, правда, почему так говорят. Сами младенцы не рассказывают, как именно они спят, поскольку говорить еще не умеют, а когда вырастают, они совершенно не помнят такие подробности своего прошлого. Однако по наблюдениям со стороны младенцы ночью постоянно просыпаются и плачут. То у них животики болят, то зубки режутся, то они просто есть хотят. У меня зубки не резались, есть я не хотел и спал как убитый. Вот это сравнение больше подходит. Хотя, конечно, убитые тоже про качество своих снов ничего не рассказывают. Но все-таки. Словом, спал я без снов, кошмаров и прочих беспокойств.

Наутро, после завтрака, Федор предложил мне переехать в свободный дом неподалеку.

— Тебе там удобней будет, поживешь спокойно, без нашей суеты семейной, обдумаешь, что дальше делать. Все, что для хозяйства нужно, там есть, а чего не хватит, так мы рядом. Настасья это дом, хорошая женщина была, да все мы невечны. Кстати, родня твоя, внучка бабы Варвары, как ее у нас называли. Прабабушки твоей. Да, ты ведь, наверное, не знаешь эту историю. Или знаешь?

— Варвары Костылевой? Знаю, что уехала отсюда, выйдя замуж за моего прадеда, перебрались они в Поволжье, а в тридцать седьмом ее арестовали. Дальше следы теряются.

— И правильно, что теряются. Варвара, когда поняла, что статья у нее расстрельная, что к семье она больше не вернется и жить ей в большом мире не судьба, отвела глаза конвоирам да и отправилась обратно на свою малую родину через всю страну. Сильная ведьма была. Добралась нескоро, но добралась. Поначалу все грустила. Она, видать, очень твоего прадеда любила. Да, конечно, любила. Иначе бы отсюда с ним не уехала, ведь знала, что только здесь такие, как она, в безопасности. Ну а потом... Жизнь берет свое, вышла замуж снова. Вот такие дела. Ты не осуждай ее, что вашу семью бросила. Спасла она твоих предков этим бегством.

А дом этот твой по праву получается. Законное наследство. Мария с Никитой там уже с утра прибраться успели, порядок навели, так что можешь вселяться и жить. Я провожу да и деревню нашу покажу заодно. Ты вчера вряд ли что увидеть смог, не до экскурсий тебе было.

Заречная встретила меня ярким солнечным светом и плохо скрываемыми любопытными взглядами местного народа. Пока мы с Федором шли к моему новому жилищу, поздороваться мне пришлось раз десять. Я заметил, что люди с интересом, но не зло, а скорее доброжелательно провожали меня взглядом. Я тоже с любопытством оглядывался по сторонам. Несколько улочек, я вроде

насчитал семь, лучами расходились от круглой центральной площади, образуя как бы рисунок солнца. Стена векового леса окружала эту небольшую деревню со всех сторон. За кронами огромных елей в голубой дымке виднелись горные вершины. Заборов в деревне не было, разве что невысокие зеленые изгороди, которые служили скорей украшением, чем преградой.

— Слушай, Федор, — спросил я своего провожатого, — вы что, недавно все построили? Дома совсем новенькие. Вон — бревна желтые, как янтарь все светятся.

— Сотни лет этим домикам. Не всем, но многим. Ты не забывай, что за люди их строили и кто в них живет. Заговорены они специальным образом, вот и не стареют. Жаль, с людьми так нельзя. Стареем и умираем как все. Ну, разве что болеем меньше благодаря таким, как Олеся наша. Ты небось кино посмотрелся про трехсотлетних ведьм. Так сказки все это, не бывает таких. И Олеске нашей девятнадцать годков всего, правду она сказала... — Федор хотел еще что-то добавить, но замолчал. Потом вроде как принял решение и сказал уже совсем другим — серьезным тоном: — Пришли, Саша, вот твой дом. Зайдем, разговор у меня к тебе есть персональный. Только чайку вот заварю сначала.

Дом, в который привел меня Федор, и правда был вполне уютным и чистеньким. Стол в большой главной комнате был накрыт свежей белой скатертью. На нем уже стояли чашки и тарелки с румяными пирожками, накрытые салфеткой. Вся комната, залитая солнцем из раскрытых окон, отражалась в блестящих боках пузатого самовара. Пахло деревом и какими-то пряными травами. В печи потрескивал огонь, а рядом с дверцей лежала стопка дров. «Мария с Никитой постарались», — понял я.

— Скажи, Федор, отчего вы так со мной возитесь, прямо как с родным? Нет, мне приятно, не спорю, и благодарен я безмерно за гостеприимство. А за спасение вообще по гроб жизни обязан. Но есть у меня чувство, что чего-то я не понимаю.

— Вот об этом как раз и разговор. Хорошо, что ты начал, а то не привык я к таким миссиям деликатным. Олеся сама собиралась сказать тебе, да не смогла. Меня попросила. Никакая она не эта, как вы там вчера говорили, женщина-вамп роковая. Вообще, еще и не женщина, а девчонка совсем. А груз на ней недетский лежит. Она из Основателей. В ответе она за нас, за весь наш род, за наше будущее. Прости за сумбур и громкие слова. Так ею судьба распорядилась, не по своей прихоти. На ней сходятся наши, как теперь говорят, энергетические каналы. Всех в общине. Она нам силы дает, мы ей. Так наша природа устроена. Этот дар Основателя по наследству передается. И не просто так, а через определенное количество поколений, в определенное время. Я в этом не очень разбираюсь, это наши старейшины по древним, еще рукописным книгам и по звездам вычисляют.

— Ясно. Ну а я в этом как участвую? Я до сих пор так и не понял.

Федор замялся, полез зачем-то подкидывать дрова в печь. Потом решился:

— Ты не кипятись только, ладно? Пойми, я ей как отец, что ли, или как старший брат. Она в моей семье росла с малых лет. С тех пор, как ее родители погибли. Ребенок ей от тебя нужен, Саша. За тем и звала. Чтобы род Основателей не прервался. Через отца твоего вначале звала, ты поначалу совсем глухой был. А как стал о Заречной думать, и до тебя достучаться смогла.

Федор замолчал и втянул голову в плечи, будто опасаясь, что в него сейчас полетит чашка с горячим чаем, которую я в этот момент держал в руках. Первым моим желанием и правда было гордо возмутиться: «Что я вам, бык этот самый?!» Или: «Да вы что тут, совсем с ума посходили?!» Или: «Доколдовались до маразма!» Ну и в таком духе. И тут я с удивлением понял, что возмущаться у меня нет никакого настроения. Вместо этого я сказал после долгого молчания:

— Да уж, министр иностранных дел из тебя, Федор, точно не получится. Дипломат ты еще тот.

Глава X

Мы сидели молча. Мне надо было разобраться в себе, а Федор, почувствовав это, не хотел мне мешать.

Какой смысл себя обманывать? Я любил эту девушку. Уже давно — со вчерашнего дня. Это могло бы показаться смешным, но мне было не до смеха. Я пропал, растворился без остатка в бесконечности ее глаз, в запахе ее волос, в ее улыбке, в ее силе колдуньи и одновременно слабости почти ребенка. Скажи мне об этом кто-нибудь еще два дня назад — ни за что бы не поверил, что так может быть. Жизнь, все, что я делал до вчерашнего дня, казалось мне сейчас только пустым томительным ожиданием этой любви. Я не понимал уже, как я мог существовать, чем-то заниматься, даже веселиться и получать от жизни хоть какое-то удовольствие, когда рядом не было Олеси. Строить планы на будущее, в котором не было этой девушки. И, ужас-то какой, я даже не подозревал о ее существовании! Я ненавидел Москву — там не было моей Олеси, я терпеть не мог свой студенческий городок Нью-Хейвен, с которым с грустью расставался всего две недели назад, обмывая с друзьями свой диплом. Я с трудом мог вспомнить (да и зачем, собственно?) лицо моей подруги Женьки, оставшейся где-то в совершенно бессмысленном и пустом мире, потому что в том мире не было Олеси. Я жалел все человечество — они, эти несчастные миллиарды людей, ничего не знали о моей любимой и могли при этом спокойно и бессмысленно жить. Бедняги.

Жалкими остатками скучного здравого смысла, который в испуге от взорвавшегося фейерверка чувств забился в самый дальний и пыльный уголок моего сознания, я понимал, что влип. Но как же я был этому рад! Я был благодарен даже бандиту Мише и подлецу Силантьичу. Они, сами того не понимая, помогли мне встретиться с моей судьбой. Вергилий все-таки довел меня до моей Беатриче, хоть и порывался грохнуть по дороге.

Ребенка? Да хоть двух! Тоже мне, этическая проблема для доктора философии. Так бы сразу и сказали.

— Так я сразу и сказал, — неожиданно подал голос Федор.

Я о нем совсем забыл. Вот черт, их способность читать мысли напрягает.

— Да ничего я не читал, — возмутился Федор, стараясь, чтобы улыбка не расползлась дальше ушей, — у тебя все на лице было написано здоровенными буквами.

Ну да, конечно, не читал он. Жулик.

Дверь распахнулась, и на пороге появились Мария и Олеся. У Марии в руках была здоровенная кастрюля, а Олеся держала корзинку, накрытую полотенцем.

— Обед готов, ребята. Вы тут голодные си... — Олеся осеклась на полуслове, встретившись со мной взглядом и моментально все поняв.

— Ты уже все сказал ему, Федор, — с укором не спросила, а констатировала она. Щеки ее пунцово вспыхнули, она развернулась и бросилась из дома прямо как была, вместе с корзинкой, чуть не сбив по дороге едва успевшую отскочить Марию.

— Вот тебе и женщина-вамп, — махнул рукой Федор. — Маша, догони ее, что ли, успокой. А то она нам бурю с градом какую-нибудь сейчас устроит. А у нас огурцы с помидорами в огороде созревают.

— Не надо, Мария. Я сам. — Я встал и направился к выходу. — Что она мне сделает? Ну в лягушку превратит. Подумаешь, делов.

Мария перевела взгляд с меня на мужа в ожидании подтверждения. Тот только кивнул. А я вышел из дома.

Далеко идти не пришлось. Олеся сидела на ступеньках крыльца и решительно доедала кусок пирога, извлеченного из той самой корзинки под полотенцем. Видимо, правду говорят психологи — от стресса женщины начинают есть все, что попадет под руку.

Я уселся рядом, демонстративно заглянул в частично опустошенную корзину и решительно заявил:

— Это был мой пирог. Мария, между прочим, его для меня пекла. Ты. Съела. Мой. Пирог.

Олеся, перестав жевать, посмотрела на меня совершенно ошарашенными от такого заявления глазами и аккуратно положила надкусанный ломоть обратно в корзинку. Потом поняла, попыталась удержать на лице серьезное выражение, но не смогла и неожиданно для самой себя прыснула от смеха. Крошки от пирога, вылетев изо рта, тут же стали добычей обрадованных нежданным деликатесом кур. Через секунду мы оба хохотали, не в силах остановиться, а выскочившие на крыльцо Федор с Марией взирали на нас как на окончательно и безнадежно ненормальных людей.

— Спасены твои помидоры, Федор, — только и смог выдавить я сквозь смех. — Пошли доедать, что осталось.

Заходя в дом, я оглянулся и успел заметить, как с быстротой льдинки, брошенной в кипяток, тает огромная черная туча на горизонте, растворяясь в синеве неба.

Глава XI

— Я провожу тебя, можно? — спросил я, когда Олеся засобиравалась домой.

Все время, которое мы провели в моем доме, делая вид, что, кроме еды, нас ничего особенно не интересует, я пытался понять, как вести себя дальше. Я видел, что Олесе не по себе. Иногда краем глаза ловил ее то грустный, то испытующий взгляд, но, стоило мне ответить на него, девушка тут же отводила глаза. Кто я, что я для нее? Тяжкая обязанность? Дело, которое надо сделать и поскорее забыть? Нужна ли ей моя любовь или мои чувства только усложняют и так непростую для нее ситуацию? Чужая, ненужная, непрошенная любовь часто бывает более тягостна, чем даже несчастная собственная. Особенно когда деваться от нее некуда.

— Если хочешь, — Олеся равнодушно пожала плечами.

— Хочу.

Мы молча шли с ней по улице, и встречные прохожие деликатно отводили глаза, делая вид, что нас не замечают или страшно заняты собственными делами.

— У меня такое чувство, что все в курсе наших проблем, — сказал я негромко.

Олеся только виновато кивнула.

— Прости. Ты не должен ничего. Никому ничего не должен.

Она остановилась. Оказывается, мы уже пришли. Я взял ее руку. Пальцы были ледяными.

— Послушай, вы ведь умеете читать мысли?

— Да, но я же тебе обещала этого не делать.

— Я разрешаю. Даже настаиваю.

Олеся впервые, пожалуй, за весь этот день подняла на меня свои глаза. В них стояли слезы. Сколько времени мы так стояли, не берусь сказать, но по тому, как менялся ее взгляд, я понял: она прочитала именно то, что надо. Или услышала, а может, увидела, не знаю, как там у них это все происходит. И, похоже, даже больше, чем надо. Мысли ведь трудно остановить, когда держишь за руку такую девушку. Слезы в ее глазах высохли, и им на смену пришли лукавые чертики. Мне даже показалось, счастливые чертики.

— Саша, а ты нахал. Какой ужас! Маньяк московский.

— Сама ты, Олеся, пигалица заречная.

Я обнял ее и прижал к себе.

И да, эту ночь мы были вместе.

Глава XII

Я лежал и смотрел, как в горячем лучике солнца, проникшего в комнату через сердечко в закрытых ставнях, плавают пылинки. Они возникали словно из ниоткуда, пересекая границу тени и света, искрились в луче пару секунд своей невесомой жизни и исчезали, вновь уходя в тень. Из тени в тень, через короткий миг света и тепла, повинувшись капризному потоку воздуха, который они, имея пылинки разум, наверняка называли бы судьбой. Какой ветер занес меня в этот яркий и горячий луч любви моей прекрасной ведьмы, вытолкнув из тени прошлой жизни? И сколько суждено мне в нем летать? Миг? Век? Но я не пылинка, у меня есть голова, а в ней мозги. Просто надо лететь не поперек, а вдоль, не поддаваясь ветру-судьбе. И тогда счастье может длиться вечно. У людей, в отличие от пылинок, есть специальный моторчик за спиной, позволяющий сопротивляться ветру и самим выбирать направление полета. Как у Карлсона. Этот моторчик называется свободная воля. «Лишь бы солярки хватило», — добавил бы юный Никита.

Из-под одеяла, которым во сне Олеся накрылась с головой, спасаясь от яркого утреннего солнца, показались два кулачка, потом черная макушка и, наконец, широко открытые счастливые глаза. За ними на свет появились нос, рот, шея и грудь. Одеяло остановилось в районе пупка, но тут вмешался я и помог ему продолжить движение. От совершенства и красоты, которые открылась моему взору, перехватило дыхание.

— Ой, — жалобно пропищала Олеся, — опять? Я так устала, как будто всю ночь летала на метле.

— Позвольте представиться, мисс. Ваша метла. К вашим же услугам.

Олеся прыснула. В ее усталости была и моя вина. Чего уж тут скромничать.

Мы открыли ставни только ближе к обеду. Я стоял у окошка и смотрел на улицу. Там было странно пусто и тихо. Понятно, что Заречная — это не Москва, но вчера тут не было такой тишины. Стучали где-то молотки, скрипел ворот колодца, мычали коровы... А сейчас никого. Слышно, как в саду напротив жужжит пчела. Вот на пороге соседнего дома показалась женщина, украдкой глянула в нашу сторону и буквально на цыпочках отправилась к сараю.

— Что это с ними? — удивился я.

Олеся подошла ко мне сзади, обняла.

— Они не хотят нам мешать, Сашенька, делать будущего Основателя.

— А, ну да, я и забыл, как коварно ты меня использовала. Тогда действительно — пусть охраняют наш покой. И еще меня кормить надо, между прочим. Для дела, не просто так.

— Можно уже и не кормить, — ласковым голосом произнесла Олеся.

— Что значит «можно не кормить»? — я отвернулся от окна и уставился на свою ведьмочку.

— А то и значит. Ты свое дело сделал. Сын у нас с тобой будет.

Я сел на вовремя подвернувшийся край кровати.

— Ты хочешь сказать...

— Я и говорю. Я же ведьма, милый. Мне не нужен тест с двумя полосочками. Я и так все про себя знаю. Точно будет, и точно сын. Только как назвать, еще не решила. Впрочем, это твое законное право. Когда моя мама мной была беременна, отец Куприным зачитывался. Он и назвал меня Олесей. Очень ему эта повесть нравилась.

Олеся села рядом.

— Спасибо, Сашенька. Спасибо тебе, любимый.

Ее поцелуй длился вечность, прекрасную вечность, которая все-таки слишком быстро кончилась. Я разомкнул объятия на секунду — только для того, чтобы снова закрыть ставни.

— Эй, ты же еду требовал! — попыталась отвлечь меня Олеся от своих сладких губ. Это слабая попытка была полностью мной проигнорирована.

В следующий раз я вернулся в этот мир с небес, когда солнце уже клонилось к закату. Не знаю, чего мне хотелось больше — полежать незаметно в самом темном углу, смакуя ощущение вполне идиотского счастья (а какое еще может быть счастье, если оно полное?), или встать и поймать того, кто хрюкал в соседнем дворе с целью съесть целиком и немедленно. Есть хотелось очень, но сделать выбор было чертовски сложно. Жизнь вообще очень сложная штука, не знаю, как мне удавалось с ней справляться все эти годы.

Олеся лежала, старательно не открывая глаз и делая вид, что ее здесь нет.

— Я так понимаю, дорогая, что речь о кофе с круассаном в постель не идет?

— Не идет... — Олеся открыла один глаз, потом второй и, наконец, решительно села в кровати. — Как мне все-таки повезло! Ты не только симпатичный, но еще и догадливый. У нас с тобой теперь одна дорога, — моя милая сделала зловещее лицо и выдержала театральную паузу, — к Марии с Федором. Они точно накормят.

Глава XIII

Заречная вновь ожила. Все встречные улыбались и здоровались, раскланиваясь с нами как с королевской четой. Одна маленькая девочка, лет семи, в нарядном платье, даже умудрилась сделать книксен и тут же серьезно добавила: «А у меня есть черная кошка. У нее глаза разные». Что ж, вполне подходящий питомец для юной ведьмочки.

Я украдкой поглядывал на свою спутницу. Что-то в ней неуловимо изменилось со вчерашнего дня. Рядом со мной теперь шла королева, но ее гордый взгляд и осанка не оставляли впечатления холодности. Напротив, от Олеси словно бы исходили волны теплого света, согревавшего всех вокруг. И в улыбках встречных я не замечал никакой иронии. Только любовь и уважение, часть которых, я это тоже чувствовал, предназначались и мне, грешному.

— Я же говорил, никуда они не денутся, придут, когда проголодаются, — закричал Федор жене, увидев наши изможденные голодом лица. И пояснил для нас: — Мария весь день порывалась отнести вам еду, но я не дал. Ладно, пойдем, Саша, опрокинем по стаканчику, как это у вас в столице называется, аперитиву. А Олесе не предлагаю, — Федор многозначительно поднял указательный палец к небу и строго добавил: — Ей нельзя, — и тут же оглушительно расхохотался.

Олеси, собственно, уже с нами не было. Мария мгновенно уволокла мою любимую на кухню, в свое царство кастрюль, сковородок и женских сплетен, откуда до нас доносились сногшибательные запахи и тихие голоса.

— О, пошли перемывать твои ребра, — продолжал веселиться Федор, — они, похоже, сегодня у нас на ужин.

— Вряд ли мои ребра могут так вкусно пахнуть. Хотя, конечно, Мария из чего угодно способна сделать настоящий деликатес.

Федор лишь гордо кивнул.

— Перекусил, доживешь до ужина? Тогда в баньку. Я заранее натопил. Пошли, отхожу тебя веником. Чтоб ребра твои лучше пахли, — собственная шутка ему явно нравилась. — Только захвачу квасу холодненького из погреба.

Когда в баню посылают, это одно, а когда зовут — совсем другое. Место вроде то же, а направления совсем разные.

Не знаю, сколько времени Федор издевался надо мной со своим веником. В баню часы не берут. В принципе, туда не стоит брать вообще ничего, даже мысли. Все равно думать их там вы не сможете.

— Ну что, жарко? — спросил, наконец, Федор заботливо. — Вон — дерни за ту веревочку, легче станет.

Я стек с полки и весь в прилипших зеленых листиках, как молодая березка, потянулся к спасительному шнурку. Вверху что-то заскрипело, и на мою голову обрушился водопад ледяной воды.

— Я буду на вас жаловаться, — сказал я, как только перестал кричать букву а и смог снова вдохнуть воздух.

Еще одну ошибку я совершил уже перед самым выходом — заглянул в маленькое зеркальце, висевшее в предбаннике. Та красная, глупая и чрезвычайно довольная жизнью физиономия, которую я там увидел, никак не могла принадлежать доктору философии.

— Ты чего так орал, любимый? — спросила Олеся, встретив меня в доме. — Соседи интересовались, что мы тут с тобой делаем. Еле успокоила.

— Так откуда ж я знал, что он такой нежный, — виновато развел руками Федор, на лице которого, впрочем, не было и намека на раскаяние.

Олеся и Мария понимающе переглянулись.

Описывать ужин, приготовленный хозяйкой, нет никакого смысла. Сытый останется равнодушен, а голодному это грозит обострением гастрита. Еда показалась мне божественной, если подобные эпитеты вообще уместны в таком месте, как Заречная.

Весь вечер я ловил на себе полувосхищенные — полуопасливые взгляды Марии. «Видимо, результат пересказа моей любимой краткого содержания нашей брачной ночи», — догадался я. Что уж она про меня наболтала, трудно сказать, но синопсис явно произвел на Марию сильное впечатление. Федору, судя по всему, предстоит долгая и беспокойная ночь. Ну и хорошо, это будет моя месть за ту его веревочку в бане. По тому, как Мария взяла ничего еще не подозревающего мужа под руку и повела в дом, проводив нас, я понял, что не ошибся.

— Ты сегодня ночуешь у себя, дорогой мой, — сказала Олеся, когда мы отошли от дома Федора. — Чтобы попытаться поговорить с твоим отцом, мне надо спать очень крепко, а в твоем присутствии это не получается. Да и вряд ли тебе понравится женщина, бродящая во сне по темному дому. Вид, подозреваю, жутковатый.

Мне ничего не оставалось, как проводить Олесю и отправиться в свое новое жилище, доставшееся по наследству от хорошей женщины Настасьи. Дом встретил меня темными окнами, но, войдя, я не стал зажигать керосиновую лампу, стоявшую возле кровати. С удовольствием скинув с себя одежду, я упал на чистые простыни и отключился, едва голова коснулась подушки. А может, и раньше, не помню.

Глава XIV

За окном еще не начало светать, когда меня разбудила Олеся. Ее лицо в лунном свете было встревоженным.

— Ты мне опять снишься бесплотно или я могу начать сразу обниматься, не опасаясь схватить пустоту за талию и свалиться с кровати? — спросил я, протирая глаза.

— Не снюсь, но обниматься не будем. У меня плохие новости, Саша. Мне не удалось связаться с твоим отцом. Это странно, потому что я смогла достать до него, но он мне не отвечает. Там что-то не так. Он жив, спит, но не дома и как-то неправильно. Я почти уверена, что он в больнице и это не сон, а искусственная кома. Такой черной пустоты в обычном человеческом сне не бывает.

Я сел на кровати. Через минуту мне удалось загнать панические мысли в дальний уголок сознания и запереть там до времени.

Надо было успокоиться и решить, что делать. Олеся молчала, ожидая, что я скажу.

— Так. Начнем по порядку, — я рассуждал вслух. Так было легче упорядочить мысли. — Ближайший телефон в Крестовском, на почте. Но звонить мне некому. Матери — бесполезно и незачем. Она давно живет в другой стране, и у нее другая семья. Так получилось. Узнать, что с отцом, я могу только у того же Виктора, но этого делать нельзя. Он не должен знать, что я жив. Секретарша Вика, скорее всего, протеже дяди Вити, тоже отпадает. Я больше не знаю, кому можно доверять.

Я растер лицо руками.

— Олеся, мне срочно надо в Москву. Ты же понимаешь.

Она кивнула.

— Есть возможность выбраться отсюда, миновав Крестовский?

— Есть, но переходы по горам в обход Крестовского займут неделю в лучшем случае... — Олеся задумалась, что-то прикидывая в уме. — Мы можем попытаться миновать Крестовский ночью по реке, но лодку и мотор придется нести по суше до той сторожки, где вы были. Пороги отсюда против течения нам не пройти.

— Что значит «нам»?

— Я пойду с тобой, Саша. И вернусь обратно, как только ты будешь в безопасности. Никто не сможет тебе помочь так, как я. И это не обсуждается.

— Хорошо. Один раз. А вообще, в семье главным буду я.

— Это что, предложение? — Олеся поймала меня на слове.

— Нет. Предложение будет на одном колене с колечком в бархатной коробочке, которое я протяну тебе дрожащей от волнения рукой. А это... пусть будет, скажем, протокол о намерениях.

— Я согласна на намерения, мне очень нравится твой протокол. Ой, то есть наоборот. Мне очень нравятся твои намерения. Ну и протокол тоже... — Олеся наклонилась и поцеловала меня, так и сидящего нагишом на кровати.

— Все, время дорого. Высокие договаривающиеся стороны идут будить бедного Федора, — моя любимая грациозно увернулась от моих объятий.

— Если он, конечно, сегодня спал, — уточнил я мысленно.

Федор все-таки спал. Но, судя по его виду, с которым он нас встретил, совсем недолго. Надо отдать ему должное: выслушав наши новости, он тут же оделся и унесся в рассветную мглу организовывать лодку и людей в помощь. Пока невыспавшаяся, но довольная Мария кормила нас ранним завтраком, Федор вернулся с тремя крепкими ребятами, тащившими на себе лодку и двигатель. От шума и суеты во дворе проснулся и Никита, тут же потребовав взять его в нашу экспедицию.

Когда взошло солнце, мы уже были довольно далеко от Заречной. Шли небыстро с таким-то грузом, часто устраивая привалы. Мне досталось тащить тяжеленный рюкзак, где, кроме всего прочего, нашлось место для пирогов и прочей снеди, которой снабдила нас в дорогу Мария.

Мои мысли в голове были не менее тяжелыми, чем рюкзак на спине. Что с отцом? Его давняя неизлечимая болезнь перешла в решительное наступление? Или Терехов расчищает себе дорогу к вершине власти в компании, не дождавшись подтверждения моей гибели? Имеет ли он отношение к болезни моего отца или просто решил ею воспользоваться, а меня устранить как единственного наследника?

Неожиданно наша процессия остановилась. Я взглянул вперед и обмер. Дорогу нам преградил огромный черный волк. Он спокойно сидел на тропе и смотрел на нас желтыми глазами. Я не успел ничего сообразить, когда Олеся сняла свой рюкзак, положила его на землю и направилась прямо к гигантскому зверю.

— Черныш, миленький ты мой, привет. Где ты пропадал все это время?

Черный волк размером с небольшого медведя лег на землю и положил тяжелую седую голову на лапы. Олеся уселась рядом, ласково потрепав его за уши. Я зажмурился от ужаса. Волк же поднял голову и лизнул девушку в щеку.

— Ребята, познакомьтесь. Саша, это Черныш, мой старый друг. Черныш, это Саша, мой... — Олеся замялась на секунду, но тут же уверенно закончила: — Мой жених.

Волк осмотрел меня внимательно с головы до ног, подумал немного, потом слегка кивнул. Чувствуя себя полным идиотом, я кивнул в ответ.

— Ну вот и отлично. Остальных ты знаешь.

— Вы идите, я вас догоню. Нам с Чернышом надо поговорить, — сказала Олеся, обращаясь уже к нам. — Сашенька, достань, пожалуйста, у себя из рюкзака пирог с курицей. Черныш любит с курицей. Да, Черныш?

Черныш снова кивнул, а я решил не заикливаться на своем внезапном сумасшествии и полез в рюкзак за куриным пирогом.

Все вновь взяли свою поклажу и двинулись вперед. Перед тем как скрыться за поворотом, я оглянулся. Волк лежа доедал кусок пирога, а Олеся, сидя перед ним на корточках, что-то горячо доказывала, размахивая руками.

— Он кто, оборотень? — спросил я Олесю, когда она догнала нас на следующем привале.

— Кто, Черныш? — Олеся сделала круглые глаза. — Саша, какой оборотень? Оборотней не бывает. Это каждая ведьма знает. Ты посмотрелся этих ваших дурацких сериалов. Черныш просто волк, только очень старый и очень умный. Мы познакомились давным-давно, когда я была маленькой девочкой, а он щенком. Вместе играли. Ну как играли? Хулиганили в основном. Дети же.

— Ну, не так уж и давным-давно ты была маленькой девочкой. Не льсти себе. А что ты ему так горячо доказывала?

— Ну, он о тебе расспрашивал. Кто такой, откуда взялся и на фига мне сдался. Я ему вкратце объяснила. Еще он хотел идти со мной, охранять, но я отговорила. Правда, он упрямый. Наверняка идет за нами где-то в лесу, — Олеся сделала широкий жест рукой, показывая, где может находиться Черныш, и добавила: — А про девочку — это был такой комплимент? Круто!

Глава XV

Когда солнце добралось до зенита, мы решили сделать более продолжительную остановку на удобной лесной поляне возле протекавшего ручья. Следовало отдохнуть и подкрепиться. Я не мог этому не порадоваться, потому что, во-первых, сильно проголодался, во-вторых, здорово устал, в-третьих, коллективный обед существенно облегчал мой рюкзак, доверху набитый припасами от Марии.

За разведение огня взялся Никита. Расчистив небольшую площадку, он сложил шалашиком несколько толстых веток, подвесил над ними котелок с водой, отошел на два шага и принялся сверлить ветки взглядом, что-то бормоча себе под нос. Через минуту в будущем костре появился слабый дымок, который, впрочем, вскоре исчез. Следующие десять минут Никитиных усилий тоже не принесли желаемого результата. Огонь не хотел загораться. Постепенно вокруг представления собралась публика. Никита покраснел от напряжения, гипнотизируя вредные деревяшки. В какой-то момент я даже испугался, что парень сам вспыхнет от усердия.

Наконец, с земли поднялся Федор, не спеша подошел к сложенным бревнам, внимательно их осмотрел и отставил одну деревяшку в сторону. Оценив получившуюся композицию, Федор сказал:

— Так. Ну, вот теперь попробуй.

Никита вновь сосредоточился на костре. Раздался хлопок, и мы все увидели его растерянную физиономию, покрытую черной сажей.

— Ну, па, ну зачем? — парень готов был расплакаться от обиды под дружный хохот зрителей.

— А затем, что надо было учиться и повторять, когда я тебе показывал, а не девчонкам глазки строить. Двоечник. Смотри внимательно и запоминай.

Федор вновь собрал разлетевшиеся дрова в пирамиду, тихо произнес заклинание, и под котелком весело заплясали языки пламени.

Я все это время порывался предложить свою зажигалку, но не стал вмешиваться в процесс воспитания молодого поколения.

Мы с Олесей лежали рядом на теплой, нагретой полуденным солнцем хвое, которая покрывала землю мягким ковром. По синему лоскуту неба, обрамленному верхушками вековых елей, медленно проплывали белоснежные облака. Мир вокруг был прекрасен. Он неожиданно ворвался внутрь меня, стал моим собственным, по-хозяйски заняв место в сердце и вытеснив наружу как нечто лишнее и чужеродное все, что казалось мне моим до сих пор. Йель, бизнес, московские пробки, дорогие развлечения, придуманные привязанности — все стало чужим и ненужным. Кроме отца, конечно.

Мне было хорошо с этими людьми. До меня доносились обрывки их разговоров, негромкая беседа Федора с сыном. Я не прислушивался, но было очень тепло на душе оттого, что просто чувствовал их рядом. И сейчас, покинув Заречную и пытаясь добраться до Москвы, я двигался из дома, а не домой.

— Олеся, — тихо позвал я, не поворачивая головы и не отрывая взгляда от кусочка синего неба с белым облаком, похожим на Муми-тролля.

— М-м-м?

— Я забыл сказать, что люблю тебя.

— Я знаю.

— И?

— И.

— Это хорошо. «И» — это просто здорово!

Муми-тролль помахал сверху на прощание мягкой белой лапой и скрылся за кронами деревьев. Ему на смену тут же пришла узкая полоска реверсивного следа самолета, протянувшаяся с востока на запад. Посверкивающая на солнце иголка лайнера в руке этого небесного портного сшивала белой нитью два мира — мой прежний, ненужный уже, и новый, близкий и родной, недвусмысленно напоминая, что в старом мире у меня остались неоконченные дела и так легко я от него не избавлюсь.

— Подъем, голубки, — подтвердил мои размышления громкий голос Федора, — нам еще топать и топать.

Моя радость по поводу опустошения собственного рюкзака оказалась преждевременной. На освободившееся место перекечевало несколько небольших канистр с бензином для лодочного мотора. Я не возражал. Так было справедливо.

К знакомой сторожке наш отряд вышел уже на закате. Все очень устали, но, скинув груз и быстро перекусив, наши помощники двинулись в обратный путь. С ними был отправлен и Никита. Места в маленькой лодке хватало только на троих, да и то с трудом.

— Ничего, налегке да к своим женам они доберутся гораздо быстрее. К полуночи будут дома, — объяснила мне ситуацию Олеся. — А темнота им не помеха, мы хорошо видим ночью.

Оставшись втроем, мы некоторое время провозились с лодкой, готовя ее к путешествию. Навесили двигатель, заправили его бензином из канистр. Чтобы пройти мимо Крестовского в темное время суток, нам надо было стартовать утром. Предстояло идти против течения, мотор был не слишком мощный, и дорога могла занять много времени. В конце концов, все было готово, и мы отправились в сторожку, чтобы немного поспать перед опасной и долгой дорогой. Деликатный Федор остался снаружи, устроив себе постель из еловых веток и приспособив под голову свой рюкзак. Мы с Олесей разместились на узком дощатом настиле, который заменял кровать в сторожке, тесно прижались друг к другу и тут же уснули.

За крошечным незастекленным оконцем нашей избушки было уже светло, когда нас разбудил резкий звук выстрела. Я вскочил и распахнул дверь сторожки. На берегу стоял Михаил с охотничьим карабином наперевес. Федор скорчился на земле, держась за живот. Его пальцы были в крови. Силантыч сидел в лодке у мотора, не давая ей уплыть от причала.

— О, а вот и наш герой-наследничек, — ухмыльнулся Михаил, переводя дуло карабина с Федора на меня. — Силантыч, живехонький он, да еще и с бабой красивой. Ты ведь клялся, что утоп. Мы его труп два дня по порогам ищем. Ну, это мы удачно зашли. Прощай, Саша, ничего, как в кино говорят, личного.

Он поднял карабин и нажал на спусковой крючок. В то же мгновение какая-то сила отбросила меня в сторону.

— Слышь, Силантыч, — закричал Михаил, — я, кажись, в бабу попал. Сам не пойму как. Жаль, думал позабавиться после. А, хрен с ней.

Он вновь прицелился.

Я бросился вперед, между мной и Михаилом было метров десять. Внезапно, опередив меня, мимо промелькнула черная тень. Голова Михаила, пролетев по высокой дуге, вращаясь и разбрызгивая вокруг кровавые фонтанчики, с глухим стуком упала на дно лодки рядом с Силантычем.

На еще дергающемся теле бандита стоял волк. Со вздыбленной шерстью и окровавленными клыками в раскрытой пасти, он больше был похож на дьявола из преисподней, чем на волка. Силантыч, переводя безумный взгляд с лежащей рядом с ним головы на огромного зверя, взвизгнул от ужаса, резко крутанул ручку газа на реверс. Мотор взревел, лодка отпрыгнула от берега, кормой зацепив за круглый валун. Ее развернуло поперек течения, нос резко задрался вверх, затем лодка накренилась на борт и перевернулась. Лицо Силантыча с раскрытым в крике ртом на миг мелькнуло над стремительной водой и пропало в водоворотах.

Я бросился к Олесе. Она лежала вверх лицом, и ее всегда такие прекрасные и живые глаза были широко раскрыты и пусты. В них только отражались, проплывающие по небу облака. Из уголка рта протянулась кровавая дорожка. В центре груди расплылось красное пятно. Олеся была мертва.

Я опустился рядом на землю, положил ее голову себе на колени. Чернота отчаяния, словно болотная тина, заполняла меня изнутри, поднимаясь все выше и выше, ослепляя глаза, затыкая уши. Слезы, катившиеся из моих глаз, тоже, кажется, были черными.

— Как же так, как же так? — я повторял этот бессмысленный вопрос, не слыша себя. Я гладил ее волосы, вытер пальцами окровавленные губы.

Черное нечто заполнило меня полностью и вырвалось наружу. Я закричал, и это был не человеческий крик. Человек так кричать не может. Это было все, что угодно — рев, рык, вой.

— Я беру твою боль. Я БЕРУ ТВОЮ БОЛЬ.

Наконец, сознание сжалилось надо мной и погасло. Последнее, что я увидел, были гнущиеся от страшного ветра ели, сыплющиеся на мою голову хвоя и целые ветки. Наша лодка, переворачиваясь и разваливаясь, покатила по берегу, волк, скуля, прижался к земле и Федор, который пытался ползти ко мне, зажимая рану на животе.

Глава XVI

Я иду по огромному пустому коридору со множеством дверей. Вокруг почти темно. Редкие слабые лампы делают коридор похожим на заброшенный перегон метро. Я заглядываю в комнаты, открывая дверь за дверью. Моя квартирка в Нью-Хейвене, Женька босиком в моей рубашке возится с кофейным аппаратом. Обернулась с улыбкой, помахала рукой. Значит, не сердится, простила. Вот моя детская комната в особняке отца. Мама еще здесь, с нами, пытается собрать разбросанные по полу игрушки. Все уже сказано, пережито, забыто. Я тихонько прикрываю дверь и иду по темному коридору дальше. Кабинет отца. Он что-то энергично говорит в телефонную трубку. Мне нельзя ему мешать, когда он работает, я помню, но как же приятно видеть его молодым и здоровым.

Некоторые двери заперты. Они из будущего, за ними еще ничего нет. Дальше, дальше. Я ищу дверь, которая мне нужна. Я слышу негромкую музыку, приоткрываю дверь. Это комната в коммуналке. Из окна с белыми занавесками льется яркий солнечный свет. На стене портрет Сталина, рядом висит черная тарелка репродуктора, музыка идет оттуда.

«Кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка?»

Молодая хорошенькая девушка за столом зачарованно смотрит на радиотарелку, висящую под потолком, словно это телевизор, и притоптывает в такт музыке ножкой.

«Не спи, вставай, кудрявая! В цехах звеня, страна встает со славою на встречу дня».

Я стою на пороге комнаты, не решаясь войти. Девушка поворачивает голову, замечает меня.

— Заходи, Сашенька, заходи, внучек. Чего в дверях застыл?

Я делаю шаг вперед. Солнечный свет исчезает. Цветастые обои оплывают грязно-серой масляной краской. Бравурные аккорды песни превращаются в железный лязг захлопнувшейся за моей спиной двери, слышно, как проворачивается ключ в замке. Меняется и облик девушки. На нарах сидит уставшая женщина, затравленный взгляд, опухшее от побоев лицо, синие полосы на запястьях от наручников.

— Вот видишь, как обернулось, Сашенька. Действительно, «И встречный, и жизнь — пополам».

Пол под ногами резко дергается, раздается паровозный гудок. Я падаю на деревянную полку в прокуренном общем вагоне.

— Я Варя. Не узнал? — женщина, взглянув на меня, снова отворачивается к окну, за которым мелькают заснеженные деревья, переезды с опущенными шлагбаумами, домики за покосившимися заборами.

— У вас должно было сохраниться наше фото, мы после свадьбы с твоим прадедом в ателье фотографировались. Нет? Жалко.

Моя прабабка Варвара вытирает слезы смятым платочком.

— Смотри, мой маленький, — она кивает на вагонное окно, — если мир вокруг убегает назад, значит, ты движешься вперед. Это всегда так, даже если ты возвращаешься. Иди, милый, нечего тебе здесь делать. Не время еще. И невесту свою ты зря тут ищешь. Ее здесь нет, а тебе пора возвращаться, тебя ждут.

Боль. Страшная боль в груди. Меня разрывает на части. Через секунду боль стихает. Я слышу голос Федора, который меня зовет. Вспоминаю все, что случилось. Олесья. Хочу снова впасть в забытие, ничего не помнить, не чувствовать, не понимать. Но не получается. Что-то мокрое мажет меня по щеке. Приходится открыть глаза.

Я уперся взглядом в желтые глаза волка, который намеревался снова облизать мне лицо.

— Олесья живет. Олесья хорошо. Ты вернул. Федор. Помоги Федору. Ему больно. Ты можешь, ты Основатель, — сказал волк в моей голове. И, видимо, на всякий случай, чтобы я снова не вырубился, лизнул меня в щеку.

Приподнявшись с земли, я огляделся. Олесья лежала рядом. Ее глаза были закрыты, грудь спокойно поднималась и опускалась в такт дыханию. Она спала. Я расстегнул окровавленную рубашку на ее груди. Под разорванной пулей тканью кожа была чистой и розовой. Волк, убедившись, что я бодрствую, лег рядом с Олесей и закрыл глаза.

— Пусть спит, не буди. Она еще очень слаба.

Я обернулся на голос. Федор сидел на земле, прислонившись спиной к дереву.

— Ну ты, Александр, силен, — морщась от боли, произнес он. — Знаю я случаи, когда смертельно раненых удавалось спасти, но чтобы с того света мертвого вернуть... Нет, такого даже в наших легендах не найдешь. Сам ты как?

— Нормально, Федор.

Я нежно гладил спящую девушку по голове, не в силах остановить катящиеся из глаз слезы. Я сам возвращался к жизни вместе с любимой. Каким-то другим зрением я видел тонкие светящиеся нити, соединявшие меня с нею, с Федором и даже с Чернышом. Фигуры людей окружала разноцветная аура. У Олеси она была ровная, только внизу живота пульсировала яркая голубая искорка — еще одна жизнь. Наш ребенок.

У Федора аура была другая. С красными всполохами боли и черным пятном в районе солнечного сплетения. Как раз там, куда угодила пуля. Я знал, что надо делать. Подойдя к другу, я опустился на колени и положил руку на его рану.

— Тебе будет больно, — предупредил меня Федор. Лоб друга был покрыт испариной, но его трясло от холода из-за большой потери крови. Я понимал, что времени у меня и у него осталось очень мало.

— Знаю. Ничего, потерплю.

Я закрыл глаза, посчитал до трех, набираясь решимости, и произнес:
— Я беру твою боль.

Сначала мне показалось, что ничего не получилось. Несколько секунд я сидел неподвижно, напряженно прислушиваясь к своим ощущениям. Вдруг руку, которая лежала на ране Федора, обожгло, как будто по венам вместо крови пустили расплавленный свинец. Огонь перепрыгнул на тело, пометался внутри, словно в поисках правильного места, потом упал в живот, взорвавшись там болью. Второй рукой пришлось опереться о землю, стараясь не потерять сознание. Еще через секунду боль ушла бесследно, оставив после себя только смертельную усталость.

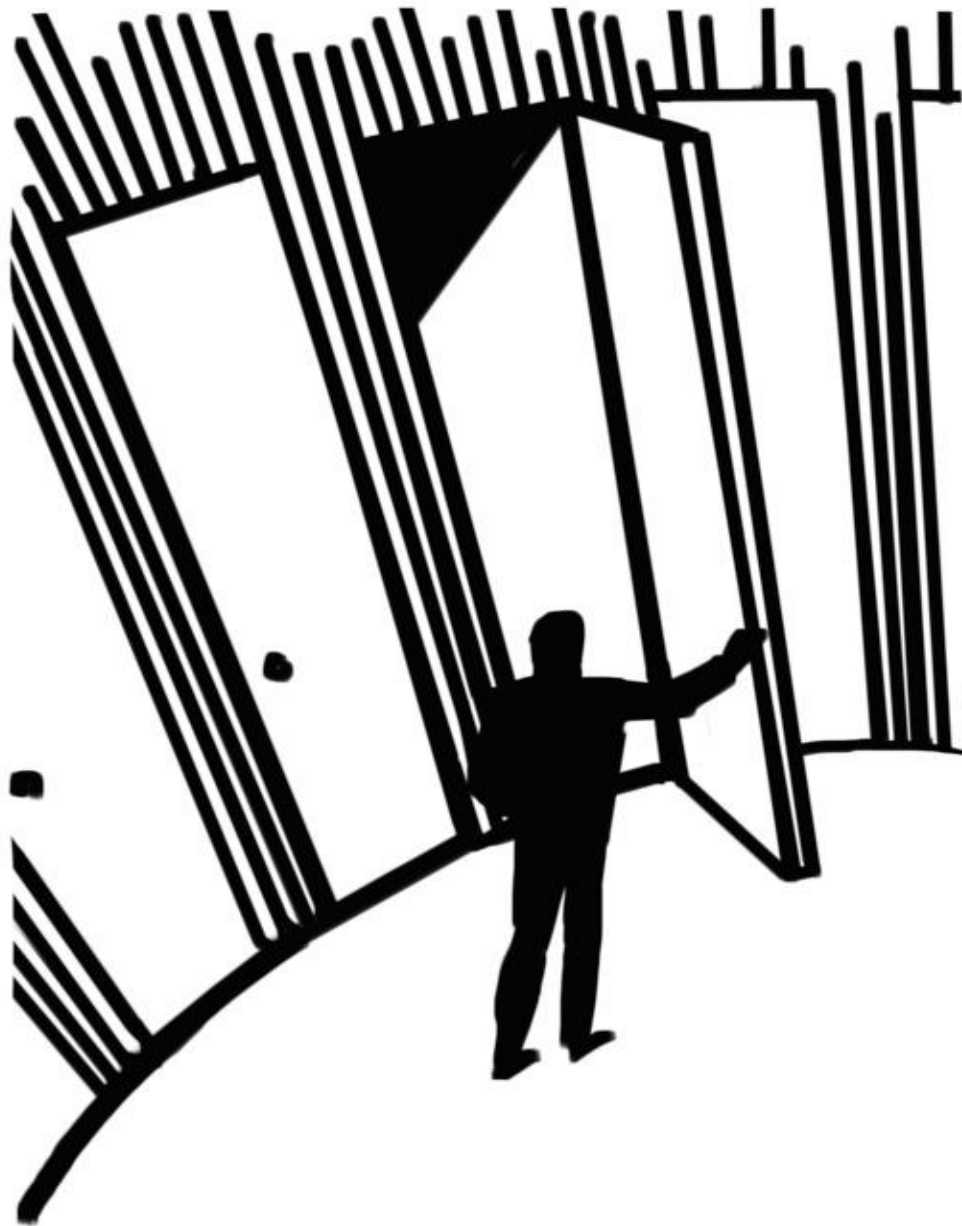
Я взглянул на Федора. Его до этого белое как полотно лицо вновь наполнялось жизнью. Шторм красных и черных всполохов в ауре тоже утихал. Значит, ушла боль, терзавшая его. Федор с опаской аккуратно вытер кровь. Раны больше не было.

Мы посидели еще немного, приходя в себя. Я неотрывно смотрел на спящую неподалеку Олесю, будто опасаясь ее вновь потерять, если отвернусь хоть на минуту. И думал о своем сне-видении. Вот, значит, как выглядит время изнутри — длинный коридор со множеством дверей. И моя прабабка Варвара. Мне никогда не приходило в голову, что она тоже, как все люди, была когда-то молоденькой симпатичной девушкой. Это смешно, конечно, но правда не приходило. Я всегда представлял ее в образе древней старушки.

«Спасибо, Варя, — произнес я мысленно. — Ты спасла нас тогда, в тридцать седьмом, сбежав из тюрьмы НКВД, но не вернувшись домой, хотя тебе так хотелось к любимым мужу и ребенку. Спасла и меня сейчас, вытолкнув снова в жизнь из этого бесконечного коридора отчаяния, в который угодил мой разум. Спасибо тебе, Варенька».

Легкий теплый ветерок коснулся моего лица и прошелестел в ветвях: «Да ладно, внучек. Какие счета? Мы же семья».

Глава XVII

— Что тут было, Федор? — спросил я спустя полчаса. — Я мало что помню и еще меньше понимаю.

— В момент выстрела Олеся оттолкнула тебя в сторону. Она стояла прямо за тобой, и твоя пуля досталась ей. Потом появился Черныш.

Я нашел взглядом безголовое тело Михаила, так и лежащее у воды. Конечно, без головы далеко не уйдешь. Хотя у него ее и раньше не было.

— Понятно. А потом?

— Вот про «потом» я и сам не очень понимаю. Я прекрасно видел, что Олеся мертва. Мне не нужно проверять пульс и дыхание в таких случаях. Ее аура исчезла, а это могло значить только одно — человек умер. Живого человека без ауры не бывает. Я пытался доползти до нее, но сил не хватило. Потом ты закричал. У тебя было страшное лицо, твои глаза стали черными, в них не было зрачков. Поднялся сильный ветер, точнее, вокруг вас закрутился смерч. Твоя аура окутала вас двоих, разделилась, и часть ее осталась на Олесе. Когда я смог снова поднять голову, вы оба лежали неподвижно, но я увидел, что Олеся снова жива. У нее снова появилась аура живого человека.

Я понял, что она просто спит. Саша, этого не может быть, но я своими глазами видел воскрешение. И это сделал ты.

— Я?

— Да. Ты стал Основателем. Ты смог разбудить силы, недоступные не то что мне, но и Олесе. Видишь, теперь все наши нити сходятся на тебе. Теперь ты Основатель. Им всегда становится самый сильный ведьмак. Видишь ее ауру вокруг головы? Она у нее зеленая. По цвету можно судить о силе. В основном у обычных ведьм и ведьмаков со средними способностями аура красная или оранжевая. Редко — желтая. Чем дальше вправо по спектру радуги, тем мы сильнее. В наших книгах написано, что раньше бывали ведьмаки с синей аурой. Тоже Основатели, конечно. Я не очень верил. Трудно представить такую мощь.

— А у меня?

Я потрогал свою голову руками, будто мог на ощупь определить свой цвет.

— Твою почти не видно. Только краешек фиолетовый, переходящий в ультрафиолет.

— Н-да, — я почесал макушку, — рядом со мной хорошо загорать, наверное.

С трудом преодолевая слабость, я подошел к Олесе, сел рядом и взял ее руку в свои ладони. Шло время, силы постепенно возвращались. Наконец, Олеся пошевелилась и открыла глаза. По ее взгляду было понятно, что девушка еще находится между сном и явью.

— Как хорошо, что ты тоже здесь есть, — еле слышно прошептала она, — я видела тебя там, ты шел по темному коридору, я звала, но ты не слышал. Там было много дверей. За ними какие-то люди. Я видела твоего отца. А ты зашел в одну и не вернулся. Я так боялась остаться одна.

— Родная моя, все хорошо. Я с тобой.

Постепенно взгляд Олеси становился все более осмысленным, она приходила в себя. Я помог ей сесть. Волк радостно взвизгнул и принялся вылизывать Олесино лицо. У этого зверя, похоже, было два любимых занятия в жизни — отрывать головы врагам и лизать друзей. Нет, три. Еще пироги с курицей.

— Черныш, пожалуйста, хватит, — мысленно взмолилась Олеся.

— Олеся. Живет. Волк. Рад, — ответил Черныш, не собираясь прекращать свое мокрое дело.

— Слышишь, чудовище, заканчивай слюнявить мою невесту! — не выдержал я, вмешиваясь в их безмолвный разговор.

Олеся и волк уставились на меня в изумлении.

— Ты нас слышишь?

— Слышу. И вижу, — проворчал я, показывая Чернышу кулак. Тот прижал уши и попятился.

— Жених. Есть нельзя, — сказал волк после паузы с явным сожалением.

Олеся разглядывала мою фиолетовую ауру Основателя круглыми от удивления глазами.

— Я такого никогда не видела, даже представить не могла. Саша, ты понимаешь, кто ты теперь?

— Федор просветил в общих чертах. Что-то вроде передвижного солярия, как я понял.

— Передвижного балбеса! Ты сам не представляешь свою силу.

— Так, попрошу проявлять уважение к Основателю, — я встал и принял гордую позу. Олеся тоже поднялась. Внезапно она нахмурилась.

— Я вспомнила. В том жутком коридоре. Там была какая-то девушка в мужской рубашке. Она тебе улыбалась очень ласково. И знаешь, все бы ничего, но эта рубашка была ее единственной одеждой, а пуговицами на ней она так и не воспользовалась. Это кто, а, Сашенька?

«Сашенька» прошипело так ласково, как могут шипеть только кобры перед броском. Глаза любимой сузились до опасных щелочек, кулачки сжались. Ведьмочка все-таки.

— Это мое прошлое, Олеся. Даже не мое, а человека по имени Александр Костылев, которого, похоже, больше нет.

Олеся продолжала смотреть на меня с подозрением.

— И между нами целый Атлантический океан к тому же, — попытался я добавить аргумент.

В таких ситуациях лучше меньше говорить, а больше делать. Я крепко обнял свою прекрасную ведьму и прижал к себе. Несколько ее слабых попыток вырваться и что-то сказать были ласково, но решительно пресечены и закончились долгим поцелуем.

Глава XVIII

Останки Михаила мы все-таки решили похоронить. Бандит, но не кидать же тело в реку. Тем более что вырыть подходящую яму в лесу оказалось легче, чем я думал. Отправив Олесю в сторожку поискать чего-нибудь на обед, мы с Федором нашли подходящее место в лесу.

— Яму я сделать не могу, но сделаю почву рыхлой. Мы так огороды «вскапываем». Совсем простенькое заклинание, — сказал Федор. — Смотри, тебе тоже пригодится.

Он сделал несколько движений руками. Земля на выбранном участке пошла трещинками, трава почернела и рассыпалась в труху.

— Можно я попробую? — я вроде бы запомнил нужные движения.

— Давай, — Федор отошел в сторону, — все помнишь?

Я встал на его место и повторил пассы. Ничего не произошло.

— Ты представь, что направляешь свою энергию в это место. Сосредоточься на этом куске земли.

Я представил, как моя аура сосредотачивается в руках, накапливается и растет, затем резко выбросил эту энергию вперед. Почва ушла из-под ног, фонтан из нескольких тонн земли и глины взметнулся высоко вверх, до верхушек окружающих нас елей, завис на мгновение на высоте и обрушился вниз, больно стуча по голове мелкими камешками.

Отряхнувшись, мы с Федором заглянули в получившуюся яму. На глубине метров четырех светилось, остывая, гладко отполированное скальное основание.

Федор аккуратно потрогал шишку на голове — тоже результат моего дебюта — и сказал:

— Ну, примерно так я и предполагал. Сила есть — ума не надо.

— Но-но, я все-таки доктор философии, прошу не унижать. Да и что такого? Будет Михаилу и могила, и крематорий заодно. Мое ноу-хау.

Покончив, наконец, с похоронами, аккуратно зашвырнув тело бандита в яму и обрушив ее стены, мы вернулись к сторожке.

Олеся накрыла стол на берегу. Сторожка стояла, сильно покосившись набок. Упасть ей не давало ближайшее дерево, в которое уткнулся край крыши.

— Землетрясение было, я решила, что лучше мы поедем на свежем воздухе. Это чудо архитектуры может рухнуть в любой момент, — объяснила Олеся.

Я стоял молча, глядя на побочный результат своих экспериментов.

— Это что, вы устроили?

— Нет, что ты!? Мы копали, — быстро ответил я, опередив Федора, открывшего было рот.

Следовало решить, что нам делать дальше. Было понятно, что первоначальный наш план рухнул. Хотя бы из-за того, что лодки у нас больше не было. Ее остатки валялись, разбросанные смерчем по всему берегу. Да и в любом случае после пропажи Силантыча с его племянником показываться в Крестовском было опасно. Вопросы ко мне могли возникнуть как у бандитов, которые ждали новостей от Михаила, так и у властей. Ни то ни другое меня не устраивало.

Идея, которая пришла мне в голову, сначала показалась безумной.

— Олеся, скажи, ты можешь научить меня являться во сне? Ведь теоретически это возможно? Вы оба говорите, что я Основатель и очень сильный.

Олеся задумалась.

— Можно попробовать. У меня это долго не получалось, но кто знает? Ты ведь и правда сильнее. Только совсем неумеха. Тебе надо учиться использовать свою силу.

Федор согласно кивнул, опять потеряв шишку на голове.

— Тогда не будем откладывать. Ночуем здесь. Объясняй, что надо делать, — подвел я итоги нашего совещания.

Оказалось, что никаких специальных приготовлений и заклинаний не нужно. Главное, что было необходимо, — суметь сосредоточиться на своей цели и, что, по словам Олеси, было самым сложным, не упустить эту цель, заснув.

— Я постараюсь. У меня нет другого выхода. Я даже не знаю, жив ли еще отец. Милая, ты можешь помочь мне уснуть прямо сейчас?

— Конечно, это всего лишь небольшой гипноз, — кивнула Олеся.

Мы быстро соорудили довольно удобное спальное место из еловых лап и разных тряпок, найденных в сторожке. Под голову приспособили мой рюкзак, освободив его перед этим от разных твердых предметов.

— Теперь расслабься и не сопротивляйся мне. Думай об отце непрерывно. Я постараюсь тебе помочь.

Олеся села на край моей импровизированной постели.

— Смотри мне в глаза, — Олеся замялась на секунду, — и, пожалуйста, Саша, будь осторожен.

Я не успел понять, что произошло дальше. Только взглянув, я просто провалился в черные глаза моей ведьмы. Я повис в полной темноте, не представляя, где верх, где низ, не зная, кто я и что здесь делаю. И что такое «здесь»? У меня было какое-то важное дело, но какое дело может быть у никого нигде? Ответ: никакое. Я глупо хихикнул. Эта шутка показалась мне очень удачной.

— Саша, Саша, — очень настырный голос в моей голове звал какого-то Сашу. Что за назойливый и неприятный звук? Почему нельзя оставить меня в покое? Кого меня? Кто я? А, неважно. Зовут Сашу, вот он пусть и отзывается.

— Саша, вспомни, услышь. Услышь меня, черт бы тебя побрал!

О, вот уже ругаются. Сколько суеты вокруг этого Саши.

— Ты обещал на мне жениться, обещал колечко в коробочке, а сам висишь тут, как безмозглая медуза!

Ну, это уже оскорбление, это уже ни в какие рамки. Если обещал — женюсь. Стоп. На ком?

И тут в голове что-то щелкнуло, невесомость исчезла, и я полетел вниз.

Олеся. Отец. Я вспомнил!

Я вынырнул из темноты и обнаружил себя, стоящим в углу комнаты. Медицинские приборы и мониторы на стене не оставляли сомнений — это больничная палата. Отец лежал на кровати, опутанный трубками жизнеобеспечения и проводами датчиков. Олеся оказалась права — он был в коме. Я попытался проникнуть в его сон, но ничего, кроме черной пустоты, не увидел. Отца там не было. Я сам еле выбрался из вязкой и липкой темноты его коматозного сна, в какой-то момент даже испугавшись, что застрял там, словно в трясине.

В растерянности я стоял перед отцом, не зная, что делать. Было ясно, что со мной все происходит не совсем так, как объясняла мне Олеся. Во-первых, я не понимал, где нахожусь. В теории я мог проникнуть в сон спящего человека, взяв его под свой контроль. Проще говоря, присниться ему по своему желанию и управлять содержанием сна. Но я стоял в реальной больничной палате, а не в отцовском сне. Мысль, пришедшая следом за этими рассуждениями, заставила меня вспотеть от волнения.

Да, я могу хотя бы попробовать. Я вижу его ауру, вижу черное безобразное пятно рака посередине груди. Вижу щупальца метастазов, протянувшихся во все стороны от опухоли.

Я приблизился к отцу и положил руку на его грудь.

— Я беру твою боль. Я беру твою боль, папа.

Меня рвало. Меня просто выворачивало наизнанку, и, казалось, что этому не будет конца. Зловонная жижа с кусочками окровавленной плоти извергалась из меня фонтаном, разливаясь по кафельному полу и тут же исчезая без следа. Корчась от бесконечных позывов, я не убрал руку с груди отца. Комната кружилась перед моими глазами, я уже плохо понимал, что происходит, но помнил лишь одно — нельзя убирать руку.

Внезапно все кончилось. Я машинально вытер губы, хотя понимал: то, что извергалось из моего рта, вряд ли было материальным. Просто образ болезни. Об этом говорил и абсолютно чистый пол под моими ногами.

Вновь придирчиво осмотрел ауру отца. Болезни больше не было. Небольшое, словно чернильная клякса, пятно пульсировало в области сердца, сбивая его с ритма и будто бы сдавливая тонкими пальцами. Я убрал его легко, только почувствовал короткий укол в своей груди.

По коридору протопали торопливые шаги. Стеклянная дверь распахнулась, и в палату вошел дежурный врач. За ним семенила медсестра. Врач мельком взглянул на меня и направился к отцу, лишь бросив по пути: «Почему посетитель

без халата, Таня?» Таня же глядела на меня во все глаза. Она точно знала, что никаких посетителей сегодня в отделении реанимации не было.

— Кто вы такой? Как вы сюда попали? — задавая вопросы, медсестра вытесняла меня из палаты при помощи своего грозного бюста.

— Погодите, Танечка, военное положение отменяется. Это мой отец, Костылев Лев Михайлович. А я его сын, соответственно, — Костылев Александр Львович. Вас не было за пультом, когда я пришел. А халат я просто не нашел. Кончились, наверно.

Таня опасливо глянула на доктора — не услышал ли он случайно моих слов про ее отсутствие на рабочем месте. Однако тому сейчас было не до медсестры. Ничего не понимая, он вновь и вновь перепроверял показания приборов и датчиков, которые выдавали данные абсолютно здорового человека. Я видел, что отец просто крепко спит.

Медсестра тем временем морщила лоб в явной попытке что-то вспомнить.

— Так у него что, два сына было? — наконец спросила она.

— Почему два, почему было? — не понял я.

— Ну как же. У него же сын погиб, утонул. Ему как сказали, он к нам в реанимацию и попал в коме. Девочки рассказывали на посту. Ужас.

— Кто сказал?

— Да я ж говорю — девочки.

— Ему кто сказал? — рявкнул я.

Мой тон или мое лицо испугали медсестру Татьяну. Попятившись, она затараторила:

— Так друг его, Виктор Иванович. Он и скорую вызвал отцу вашему. Хороший человек, каждый день проведывает. Денег вот дал, хоть я и не просила. Чтобы, говорит, присматривали за больным повнимательней. Так, а вы что, не знали? Ой, батюшки. Так это брат ваш утоп, получается?

— Получается, получается, — поняв, что случилось, я перестал прислушиваться к болтовне медсестры.

— Я отдохну тут немного в коридоре, ладно, Танечка?

— Ага, ага. Я сейчас только халат вам принесу.

Медсестра ушла, постоянно оглядываясь.

Глава XIX

Значит, вот как, дядя Витя? Решил одним выстрелом двух зайцев? Поспешил, дорогой. А ведь могло и получиться. Сын погиб, отец, будучи смертельно больным, не пережил горя. А ты, дядя Витя, обливаясь слезами, подхватываешь падающую империю Костылевых и продолжаешь их благородное дело? Умно. Только грош цена такому уму. Потому что подло.

Я представил, что почувствовал отец, узнав о моей гибели. Он же думал, что сам послал меня на смерть.

Я взглянул на круглые настенные часы в коридоре. Одиннадцать вечера. Отца сейчас лучше не тревожить, пусть спит. А вот с дядей Витей поговорить очень хочется.

Прибежала Таня с халатом.

— Скажите, Танечка, — спросил я, придав лицу самое милое выражение, на какое был сейчас способен, — а нельзя ли у вас тут где-нибудь немного поспать? Я издалека ехал, устал очень, да и отца оставлять не хочется.

Видимо, мое лицо получилось достаточно милым, потому что медсестра отвела меня в маленькую пустую комнату с одной кушеткой и даже достала откуда-то новое больничное одеяло в полиэтиленовом пакете.

— Вот, отдыхайте. Я только свет погашу, а то доктор увидит.

Таня прикрыла дверь снаружи, и я остался лежать в темноте.

Уснуть во сне — нетривиальная идея. Думаю, Олеся с Федором подняли бы меня на смех. Но я почему-то был уверен, что смогу. Ведь то, что происходило со мной сейчас, тоже не вписывалось в знакомое Олесе путешествие по снам.

Самым трудным оказалось заснуть. Нервы были на взводе, мысли об отце, предателе Терехове теснились в голове, не позволяя расслабиться. Наступила уже глубокая ночь, когда я додумался воспользоваться помощью Олеси. Точнее, воспоминаниями о ее гипнотизирующем взгляде, который смог выключить меня за пару секунд возле лесной сторожки, где, я надеялся, мой спящий организм и пребывал в настоящее время. Я попытался вспомнить этот взгляд и свои ощущения. Комната качнулась, ее стены растаяли в темноте. Я вновь стоял в уже знакомом бесконечном, тускло освещенном коридоре со множеством дверей.

На этот раз в расположении дверей не было хаоса. Я сразу узнал нужную мне — дверь в сталинской многоэтажке на Котельнической. Дядя Витя предпочитал классику всем модным элитным новостройкам. От толчка рукой дверь распахнулась. Действительно, какой смысл запирает двери в собственном сне?

Терехов курил, стоя у открытого окна и глядя на сверкающую огнями Москву. На огромной кровати в полумраке спальни виднелась обнаженная фигура спавшей

девушки. По разбросанному в беспорядке белью я понял, что время здесь проводили весело.

Дракон, вышитый золотыми нитями на спине шелкового китайского халата, в который был одет Терехов, подозрительно уставился на странного гостя. Я стоял посередине комнаты. Что я, собственно, хотел сказать этому человеку? Что он мог сказать мне?

Наконец, дядя Витя что-то почувствовал и резко обернулся. Надо отдать ему должное — в руках себя держать этот человек умел. Только светящийся в темноте белый шрам на щеке выдавал его истинное состояние.

— Александр? Ты как тут?..

Я сделал шаг вперед, чтобы видеть его глаза. От этого движения нервы у Терехова сдали. Он резко отшатнулся назад, запнулся о низкий подоконник, неловко попытался ухватиться за раму. Китайский дракон взмахнул своими шелковыми крыльями и исчез в проеме окна. Через несколько мгновений снизу раздался глухой удар. Вряд ли на него кто-то обратил внимание. Москва под окнами сияла и шумела круглые сутки. Как всегда. Холодные огни города были равнодушны к людским несчастьям, завистливы и жадны. Они крали человеческое время, жизнь, душу. Вечные праздничные огни были мертвы и превращали в мертвечину все, что освещали. В какого монстра, пожирающего человечность, ты превратился, мой бывший родной город? Будто крысиный король ударил тебя своим хвостом.

Я не стал выглядывать вниз. Тридцатый этаж, не на что там смотреть. Отвернувшись от окна, я обнаружил, что девушка на кровати сидела, забившись в угол, глядя на меня круглыми от ужаса глазами, и тихонько поскуливала. Теперь я узнал ее. Новенькая секретарша Вика. Я машинально поднял с пола валявшееся одеяло и подал девушке. Она только сильнее забилась в угол. Вику трясло. Мне пришлось положить одеяло на край кровати. Все. Мне здесь делать больше нечего. У самого порога я обернулся:

— Да, чуть не забыл. Виктория, вы уволены.

Я аккуратно прикрыл за собой дверь и открыл глаза уже в больнице, лежа на любезно отданной в мое распоряжение кушетке.

Из коридора тем временем доносились звуки нешуточной суеты. Я поднялся и осторожно выглянул за дверь. Множество народа в белых халатах вбегали и выбегали из палаты отца. Одни везли какие-то приборы на блестящих никелированных тележках, другие склонились над лентами кардиограмм. На меня никто не обращал внимания. Я понял, что поспать моему отцу эти эскулапы так и не дали.

Я вошел в палату и скромно встал возле двери. Из-за мелькающих перед ним белых халатов отец не сразу меня заметил. Он полусидел в кровати, безучастно позволяя врачам проделывать свои манипуляции.

— Вы или ваш томограф? Я спрашиваю, кто из вас сошел с ума? — размахивал руками пожилой, очень солидного вида доктор, похожий на киношного профессора. Наверное, и правда профессор. — Опухоль на четвертой стадии не исчезает сама по себе. И не сама по себе тоже! А где инфаркт, я вас спрашиваю? Куда он делся?!

Мне не интересно было слушать дальше. Наши с отцом глаза, наконец, встретились. Я улыбнулся и подмигнул. И тут я увидел то, чего не видел никогда в жизни — слезы катились из глаз моего всегда сурового и спокойного родителя. Я подошел, раздвигая возмущенных докторов, и обнял его, обрывая тонкие электроды кардиографа.

— Пап, я живой. Я с тобой. Вызови водителя, поехали отсюда. Здесь тебе нечего делать. Я объясню.

Боюсь, что отец решил, что он все-таки умер и так выглядит, оказывается, загробный мир. Он ничего не спрашивал, когда я потребовал у персонала мобильный телефон, послушно позвонил водителю. Я помог ему одеться. Несколько раз пришлось рявкнуть на решительно возражавших моему самоуправству врачей. Нехорошо, но мне ничего другого не оставалось делать. Иначе бы мы от них не избавились в ближайшие месяцы. Когда мы с отцом садились в его лимузин, нас провожал весь персонал медицинского центра, держась, правда, на некотором расстоянии.

Отец слушал меня, не прерывая, а я старался не перегружать свой рассказ о последних событиях деталями и эмоциями. Получился сухой деловой доклад, к которым и привык Глава огромной компании. Только раз, при упоминании роли его старого друга и соратника, отец не смог сдержать эмоций. Его кулаки сжались так, что костяшки пальцев побелели.

— Самые ужасные новости, папа, я приберег на финал, — сказал я, подводя черту под деловой частью своего доклада, при этом широко и глупо улыбаясь. — Ты скоро станешь дедом. И я женюсь.

Лицо отца вытянулось. Видно было, что он пытается посчитать, сколько дней прошло с момента моего отъезда и когда я все это успел. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись, затем он спросил:

— На ком?

— На ведьме, папа. На ком я еще могу жениться?

— Ты сильно изменился, сын. Теперь я спокоен за дело своей жизни. Когда ты думаешь принять компанию?

Я тоже сделал вид, будто что-то подсчитываю в уме.

— Боюсь, папа, лет через двадцать-двадцать пять. Раньше тебя из твоего удобного президентского кресла не сдвинешь.

Я подошел к столику, на котором стоял отцовский ингалятор, взял, покрутил в руках и зашвырнул в мусорную корзину.

— Это тебе больше не понадобится, отец. Но, прости, мне пора, я правда не могу больше задерживаться в Москве.

Я направился к выходу из его кабинета. Просыпаться, то есть исчезать на его глазах мне не хотелось. Пусть думает, что я поехал в аэропорт.

— Погоди, Саша. Минутку.

Отец поднялся, подошел к антикварному шкафу, стоявшему в углу. Долго там что-то искал, затем обрадованно вскрикнул и протянул мне небольшую коробочку.

— Что это? — я осторожно открыл. Внутри лежало маленькое скромное колечко с невзрачным черным камешком в оправе.

— По семейной легенде, это обручальное кольцо твоей прабабки Варвары. Оно передается из поколения в поколение. Говорят, камень становится ярче, когда есть любовь, и тускнеет, когда она уходит. Твоя мать в это не очень верила, а после нашего развода не стала его забирать, оставила тебе. Вот заодно и проверишь. То ли свою любовь, то ли легенду. Это уж как получится.

Мы обнялись на прощание.

— Увидимся, па. Не провожай. И передай от меня спасибо этому своему ангелу. Он хороший парень.

— Слушай, Черныш, ну это уже невыносимо!

Я в очередной раз попытался рукавом вытереть волчьи слюни со своего лица, сидя на ложе из еловых веток. Тело от долгого неподвижного лежания затекло, голова кружилась, и мне никак не удавалось отпихнуть от себя это черное чудовище. От сторожки ко мне со всех ног бежали Олеся с Федором.

Что-то ужасно давило на ногу, мешая сидеть. Я залез в карман и нащупал маленькую твердую коробочку.

Олеся добежала до меня первой, принялась ощупывать, видимо, в поисках повреждений, задавая при этом пять разных вопросов в секунду. Я со стариковским кряхтением попытался встать перед ней на одно колено, но неловко бухнулся на оба. Олеся попятилась на шаг, решив, видимо, что я слегка сошел с ума от своих экспериментов.

— Вот, — сказал я, протягивая любимой коробочку и внезапно растеряв все свое красноречие, — ты согласна?

Олеся молчала, замороженно глядя на кольцо, затем робко взяла и надела на палец.

— Это значит, ты согласна?

— Я подумую.

— Ладно, думай. Только главным в семье все равно буду я.

Камень в кольце полыхнул ослепительным светом, не слабее дуги электросварки, затем, успокоившись, засветился маленьким теплым живым огоньком.

— Пойдем домой, дорогая. У Федора вон огурцы с помидорами не убраны, а мы все ходим.